

ПРИЛОЖЕНИЕ

К ЕЖЕМЕСЯЧНОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ

Х•О•З•Я•Й•С•Т•В•О

ХЗЯЙСТВО И ПРАВО

Учредители –

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации,

Министерство юстиции Российской Федерации

и Некоммерческое партнерство Журнал «Хозяйство и право»

Издается с июля 1999 года

ПРИЛОЖЕНИЕ к № 6 • июнь • 2014

М. РОЖКОВА, Д. АФАНАСЬЕВ

О присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок

(на основе анализа судебной практики по гражданским делам)

Введение	3
1. Общий подход Европейского Суда по правам человека в отношении нарушения разумного срока судебного разбирательства	8
2. Концепция Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»	14
3. Область применения Закона о компенсации и его оценка Европейским Судом по правам человека	18
4. Разъяснения высших судебных инстанций в связи с началом действия Закона о компенсации	21
5. Позиции, сформулированные Верховным Судом РФ по результатам изучения складывающейся судебной практики по делам о присуждении компенсации	27
6. Обозначенные высшими судами некоторые аспекты присуждения компенсации за нарушение разумного срока	33
6.1. Исполнение судебного акта – позитивная обязанность государства, возложение которой на взыскателя является чрезмерным бременем	33
6.2. Обстоятельства, учитываемые судами при определении размера компенсации	40

Подписано к печати 13.05.2014
Формат 70x108/16
Заказ № 160

Адрес редакции:
115446, Москва, Коломенский проезд, д. 14
Тел./факс: 8(495)225-83-05(06)

hozpravo@sovintel.ru
<http://www.hozpravo.ru>

Отпечатано в ОАО «Ин-октаво»
105082, Москва, ул. Б. Почтовая, д. 7, корп. 2

© «Хозяйство и право», 2014 ®

О присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок

(на основе анализа судебной практики по гражданским делам)

Введение

Пункт 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (далее — Конвенция) закрепляет следующее: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия».

Приведенная норма Конвенции гарантирует право на суд. В отечественных публикациях оно обозначается обычно как «право на справедливый суд» или «право на справедливое судебное разбирательство», что, бесспорно, сужает содержание указанного конвенционного права, которое на самом деле имеет многоаспектный характер и не исчерпывается требованием о соответствии этого разбирательства лишь принципу справедливости процесса.

Анализируя национальное судебное разбирательство, которое было проведено по делу заявителя, Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд, Суд) использует метод глобальной оценки, подразумевающий исследование различных аспектов права на суд. Соответствие национального судебного разбирательства всем этим аспектам дает Европейскому Суду основу для вывода о проведении разбирательства согласно п. 1 ст. 6 Конвенции. Обобщение выводов, сформулированных в прецедентной практике Суда,

свидетельствует о том, что право на суд может считаться надлежащим образом реализованным, если при разрешении конкретного дела в национальном суде государства-ответчика не были нарушены принципы:

- «доступности» суда (доступа к правосудию);
- справедливости судебного разбирательства;
- независимости суда;
- беспристрастности суда;
- рассмотрения дела судом, созданным на основании закона;
- публичности судебного разбирательства;
- правовой определенности;
- обязательности исполнения вынесенных судебных решений;
- разумности срока судебного разбирательства.

Только соответствие национального судебного разбирательства по конкретному делу всем указанным принципам, по мнению Европейского Суда, позволяет говорить о соблюдении права на суд, гарантированного п. 1 ст. 6 Конвенции. Если же при проведении судебного разбирательства не было соблюдено хотя бы одно из перечисленных требований (принципов), заинтересованное лицо может ставить вопрос о нарушении принадлежащего ему права на суд.

Здесь же необходимо обратить внимание на один нюанс.

Европейский Суд в своей прецедентной практике неоднократно подчеркивал, что закрепленное п. 1 ст. 6 Конвенции право на суд не исчерпывается правом на обращение в суд, а охватывает и право на исполнение окончательного судебного решения (то есть судебного решения, вступившего в законную силу и обязательного к исполнению). В частности, в постановлении по первому делу, вынесенному по жалобе против России («Бурдов против России»), Европейский Суд, подчеркнув обязательность исполнения окончательных судебных актов, указал: «Право на суд было бы иллюзорным, если бы правовая система государства – участника Конвенции допускала, чтобы судебное решение, вступившее в законную силу и обязательное к исполнению, оставалось бы недействующим в ущерб одной из сторон. Было бы непостижимым, если бы статья 6 (п. 1) Конвенции, описывая детально процессуальные гарантии, предоставленные спорящим сторонам, ... не защищала при этом исполнение судебных решений»¹. Эта позиция отражена и во всех последующих постановлениях Европейского Суда по жалобам против России, предметом которых было неисполнение или длительное неисполнение окончательных судебных актов.

Изложенная позиция Европейского Суда нередко толкуется отечественными правоведами как обосновывающая рассмотрение исполнительного производства в качестве составной части судебного разбирательства, то есть позволяющая расценивать в качестве процессуальных те правоотношения, которые имеют место уже после окончания производства по делу – при принудительном исполнении окончательного судебного решения.

Такая расширительная трактовка позиции Европейского Суда вызывает серьезные возражения.

Гарантированное п. 1 ст. 6 Конвенции право на суд действительно требует не только формальной реализации этого права (вынесения судебного решения по

¹ Постановление от 7 мая 2002 года по делу «Бурдов против России» (*Burdov v. Russia*), жалоба № 59498/00.

делу), но и реального исполнения содержащейся в решении резолюции. Однако это не означает объединения процесса по разрешению дела в суде (судебного разбирательства) и процедуры принудительного исполнения окончательного решения.

Сами названные процедуры – судебное разбирательство и исполнение судебного решения – совершенно различны. Разграничивая их, следует отметить, что:

- они имеют различный субъектный состав: субъектами судебного разбирательства являются государственный суд (орган судебной власти) и иные участники; субъектами процедуры принудительного исполнения – служба судебных приставов (орган исполнительной власти) и участники исполнительной процедуры (взыскатель; должник; лица, непосредственно исполняющие требования судебного решения; лица, оказывающие содействие в принудительном исполнении судебного решения);
- они регулируются разным законодательством: судебное разбирательство – нормами процессуального законодательства (АПК РФ и ГПК РФ), процедура принудительного исполнения – нормами законодательства об исполнительном производстве (Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», далее – Закон об исполнительном производстве);
- перед ними стоят различные задачи: применительно к судебному разбирательству можно говорить о задаче защиты нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав и интересов, применительно к процедуре принудительного исполнения – о правильном и своевременном исполнении окончательного судебного решения и т.д.;
- только окончание судебного разбирательства с вынесением судебного решения по существу дела при условии отсутствия добровольного исполнения окончательного судебного решения создает предпосылки для возбуждения процедуры принудительного исполнения этого решения, то есть процедура принудительного исполнения во многих случаях является факультативной.

В силу сказанного нет никаких причин рассматривать в качестве единой процедуры судебное разбирательство и процедуру принудительного исполнения окончательного судебного акта. Однако принудительное исполнение окончательного судебного решения (в условиях отсутствия его добровольного исполнения) позволяет в полной мере реализовать и цель судебного разбирательства, состоящую в реальной и эффективной защите прав, что и обуславливает прочную связь между этими различными по своей правовой природе процедурами.

Обязательство обеспечивать соблюдение права на суд, гарантируемого Конвенцией, накладывает на государства – участников Конвенции обязанность совершенствовать национальную судебную систему и систему принудительного исполнения окончательных судебных решений, то есть «оптимизировать правосудие».

Оптимизация правосудия, предполагающая улучшение качественных характеристик национальных судебных систем и систем принудительного исполнения

окончательных судебных решений «по оси эффективность — доступность суда»², предполагает, во-первых, облегчение доступа к суду и, во-вторых, повышение эффективности правосудия.

1. Доступность суда обеспечивается совокупностью условий для беспрепятственного обращения всякого заинтересованного лица в суд за защитой своих нарушенных или оспоренных прав. Облегчение доступа к суду обусловлено принятием соответствующих мер органами государства, поэтому в литературе отмечается, что оно «по своей природе требует регламентации государством»³.

Для этого на законодателя возлагается, в частности, осуществление следующих мер: упрощение порядка возбуждения и ведения дела в суде; решение вопросов приближенности местонахождения судов (исходя из требования территориальной приближенности судов к месту жительства (месту нахождения) частного лица, нуждающегося в судебной защите); создание системы оказания юридической помощи нуждающимся и получения ими юридических консультаций; разработка системы льгот при уплате государственной пошлины (в некоторых случаях установление оснований для освобождения от уплаты судебных расходов); определение оптимальных и предвидимых сроков рассмотрения дел в суде.

Подобные положения содержатся, например, в Резолюции Комитета министров Совета Европы от 2 марта 1978 года (78) 8 о юридической помощи и консультациях, Рекомендациях Комитета министров Совета Европы от 8 января 1993 года R (93) 1 об эффективном доступе к праву и правосудию малообеспеченных слоев населения, а также в иных международных документах Совета Европы, указанных в приложении 2 к Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 18 сентября 2002 года R (2002) 12 об учреждении Европейской комиссии по эффективности правосудия (далее — Рекомендация R (2002) 12).

На судебные органы, как правило, возлагаются меры по информированию общественности о месте нахождения и компетенции судов, порядке обращения в суд и уплаты государственной пошлины и т.д.

Такого рода требования закреплены, например, в Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 14 мая 1981 года R (81) 7 о способах облегчения доступа к правосудию. В частности, эта Рекомендация предусматривает, что в самом суде либо в иной компетентной службе может быть представлена следующая информация общего характера: процессуальные нормы (эта информация не должна содержать юридических советов по существу дела); порядок обращения в суд и сроки, в течение которых это обращение возможно; предусмотренные законом требования к такому обращению и необходимые в связи с этим документы; порядок выполнения решения суда и, по возможности, расходы по его выполнению.

2. Повышение эффективности правосудия предполагает уменьшение продолжительности судебного процесса, упрощение порядка ведения дел, снижение материальных затрат на него, справедливость судебного разбирательства и реальное исполнение окончательного судебного решения.

² Оптимизация гражданского правосудия России / Под ред. В. В. Яркова. — М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 9.

³ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под общ. ред. В. А. Туманова и Л. М. Энтина. — М.: Норма, 2002. С. 86 (автор комментария к статье — Л. Б. Алексеева).

От законодателя ожидается, что им будут осуществлены меры, например, по уменьшению количества задач, не относящихся прямо к судебному разбирательству (см. Рекомендацию Комитета министров Совета Европы от 16 сентября 1986 года R (86) 12 о мерах по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на суды).

Исполнительная власть должна обеспечить адекватные бюджетные ассигнования, чтобы функционирование судебной системы осуществлялось в режиме эффективного отправления правосудия – такое положение прямо закреплено, в частности, в Рекомендации R (2002) 12.

На судебные органы возлагается обязанность быстрого (без ущерба для правильности окончательного решения) производства с использованием упрощенных и ускоренных процедур при рассмотрении незначительных или бесспорных дел. Например, Рекомендация Комитета министров Совета Европы от 28 февраля 1984 года R (84) 5 о принципах гражданского судопроизводства, направленных на усовершенствование судебной системы, относит к таким принципам, в частности, следующие: судебный процесс должен состоять не более чем из двух судебных заседаний; пропуск стороной срока на совершение процессуального действия должен влечь применение судом санкций; предъявление стороной необоснованного иска (сутяжничество) должно влечь его рассмотрение на основе упрощенной процедуры и предъявление к этой стороне санкций; поведение стороны, свидетельствующее о злоупотреблении процессуальными правами, должно влечь применение судом соответствующих санкций и т.д.

От органов принудительного исполнения (учитывая, что эффективность правосудия напрямую зависит от реального исполнения резолютивной части окончательного судебного решения) требуется «выполнять свою работу согласно закону, справедливо, беспристрастно, эффективно и прозрачно». Это требование прямо закреплено в Рекомендации R (2002) 12 (см. также Рекомендацию Комитета министров Совета Европы от 9 сентября 2003 года R (2003) 17 в области исполнения судебных решений).

Изложенное со всей очевидностью демонстрирует, что оптимизация правосудия предполагает совершенствование механизмов рассмотрения дел и принудительного исполнения окончательных судебных решений⁴, что дополнительно подтверждает обозначенную связь между судебным разбирательством и процедурой принудительного исполнения. Решение названных задач возлагается исключительно на органы государственной власти: законодательные, судебные, исполнительные. Ненадлежащая работа данных органов в указанном направлении может привести к возникновению ситуаций, когда Россия будет рассматриваться в качестве государства – участника Конвенции, не создавшего должных условий доступности суда и эффективности и тем самым нарушившего п. 1 ст. 6 Конвенции.

---

⁴ Этот вывод позволяет говорить о том, что неполной и неточной является трактовка оптимизации правосудия только как «создания механизма рассмотрения и разрешения гражданского дела, предоставляющего выбор наилучшего пути достижения целей и задач правосудия». – См.: Царегородцева Е. А. Способы оптимизации гражданского судопроизводства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. С. 12.

1. Общий подход Европейского Суда по правам человека в отношении нарушения разумного срока судебного разбирательства

Как уже было указано, одним из основополагающих аспектов реализации права на суд в соответствии с п. 1 ст. 6 Конвенции является разумность срока судебного разбирательства. Значимость соблюдения данного требования при разрешении дела в суде и исполнении вынесенного судебного акта постоянно подчеркивается Европейским Судом, который исходит из необходимости максимально возможного сокращения продолжительности состояния, обозначаемого термином «состояние правовой неопределенности».

«Состояние правовой неопределенности» считается возникшим у лица в момент нарушения его прав или законных интересов и существует вплоть до окончательного разрешения дела и восстановления нарушенных прав заявителя либо до вынесения мотивированного отказа в удовлетворении его требований. Причем Европейский Суд исходит из того, что для вывода о соблюдении права на суд недостаточно вынесения судебного решения, вступившего в законную силу и обязательного для исполнения, — необходимо реальное выполнение этого судебного решения. Позиция Европейского Суда нашла отражение в неоднократно процитированном в отечественных публикациях высказывании по делу «Бурдов против России»⁵ об иллюзорности права на суд в условиях, когда окончательное судебное решение остается неисполненным (цитату см. во Введении).

Вследствие сказанного в срок «состояния правовой неопределенности» Европейским Судом включается весь период с момента обращения заинтересованного лица с соответствующими требованиями в административные или судебные органы до момента фактического исполнения окончательного судебного решения по этому делу. Всякая необоснованная задержка как при рассмотрении данного требования, так и при исполнении вступившего в законную силу судебного акта по делу продлевает «состояние правовой неопределенности», что, по мнению Европейского Суда, недопустимо.

Необоснованное продление «состояния правовой неопределенности» как при разбирательстве дела в суде, так и при исполнении окончательного судебного решения неоднократно фиксировалось Европейским Судом при рассмотрении жалоб против России. Признавая судебное разбирательство не соответствующим требованию разумности срока, Европейский Суд, как правило, указывает на нарушение права заявителя на суд (п. 1 ст. 6 Конвенции).

Оценка реализации права на суд предполагает учет прецедентов толкования норм п. 1 ст. 6 Конвенции, выработанных Европейским Судом как в отношении дел «по уголовным обвинениям», так и в отношении «споров о гражданских правах и обязанностях»⁶, к которым относят дела, рассматриваемые в рамках гражд-

⁵ Постановление от 7 мая 2002 года по делу «Бурдов против России» (*Burdov v. Russia*), жалоба № 59498/00.

⁶ В п. 213 Практического руководства по критериям приемлемости, подготовленного Европейским Судом, отмечается: «Понятие «гражданские права и обязанности» не может толковаться сквозь призму внутреннего права государства-ответчика; речь идет об «автономном» понятии, вытекающем из Конвенции» (http://www.echr.coe.int/Documents/Admissibility_guide_RUS.pdf).

Отделение «гражданских прав и обязанностей» от иных, также не относящихся к уголовно-правовой сфере, противоречит цели Конвенции, поэтому данное понятие толкуется как охватывающее все иные права, которые не имеют уголовно-правового характера. Важно заметить, что Европейский Суд изначально исходил из того, что ст. 6 Конвенции

данского и административного судопроизводства. Вместе с тем настоящая работа будет построена преимущественно на анализе гражданских дел, с тем чтобы сделать более простым для уяснения механизм присуждения компенсации за нарушение разумного срока по этим делам.

Сформировавшаяся практика Европейского Суда не содержит (да и не может содержать) указаний на то, какой срок является «разумным», равно как и не определяет границы «разумности» срока: в каждом случае этот вопрос решается в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Однако при определении разумности срока судебного разбирательства Европейский Суд обычно учитывает следующие аспекты.

Во-первых, сложность дела. Неоднократно, признавая чрезмерно длительным срок судебного разбирательства, Суд указывал на то, что судебное дело, касательно которого подана жалоба, не было особо сложным (например, «Кормачева против России»⁷, «Зименко против России»⁸, «Скоробогатова против России»⁹, «Кузин против России»¹⁰, «Георгий Николаевич Михайлов против России»¹¹). Не устанавливая специальных критериев, Суд вместе с тем соглашается признавать сложность дела (правовую или фактическую) в ситуации, в частности, когда: является сложной сама сфера правового регулирования, в рамках которой возникли отношения между истцом и ответчиком; в гражданском деле участвует несколько истцов и (или) несколько ответчиков; представление доказательств по делу было осложнено необходимостью их собирания за рубежом; по делу было необходимо проведение ряда экспертиз или исследование большого объема материалов и т.п.

Во-вторых, поведение заявителя в судебном процессе. Европейский Суд, по общему правилу, учитывает, не стали ли причиной задержек судебного разбирательства действия либо бездействие самого заявителя. Затягивание процесса по вине заявителя может иметь место, например, в случаях, если заявитель или его адвокат не являлись в судебные заседания в национальных судах и (или) не выполняли иные процессуальные требования либо заявитель направил в суд множество ходатайств и запросов в отношении дела и т.д. (см., например, дела «Серегина против России»¹², «Племянова против России»¹³, «Леханова против России»¹⁴).

применима к разбирательству, происходящему и в национальном конституционном суде, если результат такого разбирательства непосредственно и существенным образом затрагивает гражданские права и обязанности.

М. де Сальвиа отмечает, что если первоначально практика относилась к числу «гражданских» лишь права и обязанности «частноправового характера» в классическом смысле этого термина (право собственности, семейное право и т.п.), то сейчас под указанное понятие может быть подведен всякий имущественный иск, основанный на предполагаемом нарушении имущественных прав, независимо от того, в соответствии с каким законом (гражданским, административным и др.) должен быть разрешен спор и какой орган компетентен его рассматривать. Ученый подчеркивал: «Процедура, основанная на этой норме, распространяется на любой процесс, даже если он ведется в конституционном суде, при условии, что его исход является определяющим для гражданских прав и обязанностей». – См.: Комментарий к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / Под общ. ред. В.А. Туманова и Л.М. Энтина. С. 85 (автор комментария к статье – М. де Сальвиа).

⁷ Постановление от 29 января 2004 года по делу «Кормачева против России» (*Kormacheva v. Russia*), жалоба № 53084/99.

⁸ Постановление от 23 июня 2005 года по делу «Зименко против России» (*Zimenko v. Russia*), жалоба № 70190/01.

⁹ Постановление от 1 декабря 2005 года по делу «Скоробогатова против России» (*Skorobogatova v. Russia*), жалоба № 33914/02.

¹⁰ Постановление от 9 июня 2005 года по делу «Кузин против России» (*Kuzin v. Russia*), жалоба № 22118/02.

¹¹ Постановление от 1 апреля 2010 года по делу «Георгий Николаевич Михайлов против России» (*Georgiy Nikolayevich Mikhailov v. Russia*), жалоба № 4543/04.

¹² Постановление от 30 ноября 2006 года «Серегина против России» (*Seregina v. Russia*), жалоба № 12793/02.

¹³ Постановление от 15 октября 2009 года «Племянова против России» (*Plemyanova v. Russia*), жалоба № 27865/06.

¹⁴ Постановление от 22 декабря 2009 года по делу «Леханова против России» (*Lekhanova v. Russia*), жалоба № 43372/06.

В то же время Европейский Суд не считает верным упрекать заявителя в том, что в процессе разбирательства его дела в национальном суде он пытался использовать все доступные ему средства правовой защиты, предоставленные внутригосударственным законодательством (см., например, дело «Шнейдерман против России»¹⁵, а также упомянутое дело «Скоробогатова против России»). При этом Суд обычно оценивает целесообразность использования таких средств: в одних случаях они признаются необходимыми (например, неоднократные изменения (уточнения) исковых требований и вызов в судебное заседание дополнительных свидетелей) (см., в частности, дела «Коломиец и Коломиец против России»¹⁶, «Марченко против России»¹⁷); в других — расцениваются как затягивание процесса самим заявителем, если им избран неверный способ реализации процессуальных прав (например, неоднократные ходатайства заявителя об отложении судебного заседания с целью предоставления дополнительных доказательств) (см., в частности, дело «Савенко против России»¹⁸). В тех случаях, когда задержка процесса имела место по вине самого заявителя, ее срок вычитается из общей продолжительности судебного разбирательства, а «оставшийся» период уже исследуется на предмет того, можно ли признавать его чрезмерно затянутым.

В-третьих, поведение и добросовестность суда, а также иных органов государственной власти и должностных лиц. При решении вопроса о том, имело ли место нарушение разумного срока судебного разбирательства, Европейский Суд отталкивается от оценки поведения судьи (суда), непосредственно рассматривающего дело (или лица, исполняющего вступившее в законную силу судебное решение, если речь идет об исполнении судебного решения, и проч.). Иными словами, основанием для вывода о нарушении требования о разумности срока судебного разбирательства является оценка действий суда и его добросовестности при рассмотрении дела: в ситуации, когда национальный суд неосновательно бездействует в течение продолжительного времени или допускает ряд ошибок, необоснованно удлиняющих период судебного разбирательства, наличие нарушения разумного срока. Поэтому даже задержка в предоставлении судебного акта по делу расценивается как затягивание судебного разбирательства по вине суда (см., например, дело «Раш против России»¹⁹).

Длительная задержка в рассмотрении дела судом может быть связана с болезнью судьи или неоднократным его участием в других судебных заседаниях (см., например, дела «Романенко и Романенко против России»²⁰, «Шеломков против России»²¹, «Волович против России»²², упомянутое дело «Зименко против России») либо возникнуть по иной причине (так, Суд счел удивительным, что национальным судебным властям потребовалось более шести лет для установления суда, компетентного рассматривать требование о разделе имущества супругов, нажитого во время брака) (упомянутое дело «Коломиец и Коломиец

¹⁵ Постановление от 11 января 2007 года «Шнейдерман против России» (*Shneyderman v. Russia*), жалоба № 36045/02.

¹⁶ Постановление от 22 февраля 2007 года «Коломиец и Коломиец против России» (*Kolomiyets and Kolomiyets v. Russia*), жалоба № 76835/01.

¹⁷ Постановление от 5 октября 2006 года «Марченко против России» (*Marchenko v. Russia*), жалоба № 29510/04.

¹⁸ Постановление от 14 июня 2007 года «Савенко против России» (*Savenko v. Russia*), жалоба № 28693/03.

¹⁹ Постановление от 13 января 2005 года по делу «Раш против России» (*Rash v. Russia*), жалоба № 28954/02.

²⁰ Постановление от 19 октября 2006 года по делу «Романенко и Романенко против России» (*Romanenko and Romanenko v. Russia*), жалоба № 9457/02.

²¹ Постановление от 5 октября 2006 года по делу «Шеломков против России» (*Shelomkov v. Russia*), жалоба № 36219/02.

²² Постановление от 5 октября 2006 года по делу «Волович против России» (*Volovich v. Russia*), жалоба № 10374/02.

против России»). Небезынтересно, что в одном из постановлений Европейский Суд указал следующее: «Тот факт, что судья, рассматривавший дело заявительницы, позднее был обвинен в несоблюдении сроков рассмотрения дела и на этом основании его статус был прекращен, служит доказательством обоснованности заключения о чрезмерной длительности судопроизводства» (дело «Рубцова против России»²³).

Помимо указанного на суд возлагается ответственность не только за собственные действия, но и за действия участвующих в деле лиц в условиях, когда суд не предпринимал все от него зависящее, чтобы избежать задержки в разбирательстве дела. Так, Европейский Суд не раз негативно оценивал бездействие суда, когда оно приводило к чрезмерной длительности судебного разбирательства, в частности отсутствие реакции суда на неоднократные неявки участвующих в деле лиц в судебные заседания (см., например, дело «Кесьян против России»²⁴).

Подлежат оценке и действия иных органов государственной власти и должностных лиц государства в смысле их возможного влияния на затягивание судебного процесса, если они были обязаны участвовать в судебном процессе: это, в частности, органы прокуратуры, эксперты, судебные приставы (см., например, дела «Ярославцев против России»²⁵, «Саликова против России»²⁶);

В-четвертых, важность для заявителя рассматриваемых вопросов. Данный критерий, возможно, не является определяющим, однако он обязательно учитывается при рассмотрении дел о чрезмерности срока судебного разбирательства. Европейский Суд исходит из того, что в ситуациях, когда судебное разбирательство имеет решающее значение для заявителя, оно требует от судов не только особого внимания (особой тщательности), но и оперативности. В частности, Европейский Суд признает, что судебное разбирательство по восстановлению заявителя на работе весьма значимо для него, то есть споры о трудоустройстве должны рассматриваться с особой быстротой (см., например, дела «Евгений Степанович Бирюков против России»²⁷, «Макарова против России»²⁸, а также упоминавшиеся дела «Кормачева против России» и «Зименко против России»). К важным для заявителя отнесены и дела, связанные с травматизмом и возмещением вреда здоровью (см., например, дело «Саламатина против России»²⁹), с решением вопросов относительно средств к существованию, в частности с расчетом пособия по инвалидности (см., например, дело «Козьяк против России»³⁰).

Уже указывалось, что Европейский Суд, как правило, исключает из срока судебного разбирательства периоды, когда затягивание разбирательства происходило по инициативе заявителя (с этой целью изучаются ходатайства заявителя, причины смены его адвоката, если таковая имела место, обосно-

²³ Постановление от 13 января 2011 года по делу «Рубцова против России» (*Rubtsova v. Russia*), жалоба № 22554/04.

²⁴ Постановление от 19 октября 2006 года по делу «Кесьян против России» (*Kesyan v. Russia*), жалоба № 36496/02.

²⁵ Постановление от 2 декабря 2004 года по делу «Ярославцев против России» (*Yaroslavtsev v. Russia*), жалоба № 42138/02.

²⁶ Постановление от 15 июля 2010 года по делу «Саликова против России» (*Salikova v. Russia*), жалоба № 25270/06.

²⁷ Постановление от 9 декабря 2004 года по делу «Евгений Степанович Бирюков против России» (*Yevgeniy Stepanovich Biryukov v. Russia*), жалоба № 63972/00.

²⁸ Постановление от 24 февраля 2005 года по делу «Макарова и другие против России» (*Makarova and others v. Russia*), жалоба № 7023/03.

²⁹ Постановление от 1 марта 2007 года по делу «Саламатина против России» (*Salamatina v. Russia*), жалоба № 38015/03.

³⁰ Постановление от 13 января 2010 года по делу «Козьяк против России» (*Kozyak v. Russia*), жалоба № 25224/04.

ванность отсутствия заявителя в судебных заседаниях и т.д.). В то же время ничем не оправданные действия государственных органов по затягиванию рассмотрения требований заявителя, равно как и подобное поведение судов (необоснованный отказ в принятии исковых заявлений, соединение или разъединение дел, замена судей, отложение разбирательства и т.д.), расцениваются как факты, приводящие к нарушению требования разумности срока судебного разбирательства.

В том случае, если при рассмотрении жалобы Европейский Суд устанавливает, что органами государства — участника Конвенции было допущено нарушение разумности срока судебного разбирательства, Суд констатирует нарушение этим государством п. 1 ст. 6 Конвенции (и в некоторых случаях присуждает заявителю компенсацию, предусмотренную ст. 41 Конвенции). Причем важно, что Суд в своих постановлениях может не только констатировать факт нарушения государством-ответчиком принятых на себя обязательств и присудить заявителю компенсацию, но и отметить существующие пробелы или недостатки в законодательстве, административной или судебной практике этого государства.

Для целей настоящей работы необходимо подчеркнуть, что в Европейский Суд было подано большое число жалоб против России, в которых заявители ссылались на чрезмерную длительность срока судебных разбирательств (и исполнение окончательного судебного решения). Так, с момента вынесения упомянутого постановления по первому делу «Бурдов против России» (о чрезмерности срока судебного разбирательства) к началу 2009 года Европейский Суд установил такие нарушения более чем в 200 делах против России, более 700 дел по аналогичным нарушениям находилось на рассмотрении Суда. Кроме того, на рассмотрение Европейского Суда в 2004 году поступила вторая жалоба Бурдова (дело «Бурдов против России» (№ 2)³¹), основанием для которой стали дальнейшие задержки исполнения окончательных судебных решений, вынесенных в пользу заявителя и вступивших в законную силу.

Нужно напомнить, что впервые Бурдов обратился в Европейский Суд в 2000 году с жалобой на неисполнение решений российских судов (это первое дело «Бурдов против России», которое упоминалось ранее). Европейский Суд в этом деле признал, что имели место нарушения ст. 6 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, поскольку в течение многих лет власти не принимали мер для исполнения вынесенных в пользу заявителя окончательных судебных решений. Установив длительное неисполнение этих решений и во втором деле, Европейский Суд вновь признал нарушенным право заявителя на суд (ст. 6 Конвенции), а также нарушение ст. 13 Конвенции и ст. 1 Протокола № 1.

Таким образом, существовавшее в России на тот момент положение дел привело Европейский Суд к выводу об отсутствии в российской правовой системе эффективного средства правовой защиты от отмеченных нарушений.

Дело в том, что право на эффективное средство правовой защиты закреплено в ст. 13 Конвенции: «Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты

³¹ Постановление от 15 января 2009 года по делу «Бурдов против России» (№ 2) (*Burdov v. Russia*), жалоба № 33509/04.

в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве». Наличие данной статьи в Конвенции обусловлено целью исключить ситуации, когда заявитель в случае нарушения его прав не имеет средств правового воздействия на национальный государственный (в том числе судебный) орган, деятельность которого нарушает его права, установленные Конвенцией и Протоколами к ней. Для достижения названной цели каждое государство – участник Конвенции обязывалось закрепить во внутреннем (национальном) законодательстве возможность использования таких средств правовой защиты, которые позволили бы заинтересованным лицам результативно (действенно) защищать свои нарушенные права.

По этому поводу в постановлении по делу «Бурдов против России» (№ 2) Европейский Суд подчеркнул следующее: «... средство правовой защиты, требуемое Статьей 13, должно быть «эффективным» на практике, а также по закону в смысле предотвращения предполагаемого нарушения, исправления положения дел или обеспечения адекватного возмещения за нарушение, которое уже произошло. Даже если одно средство правовой защиты само по себе не полностью удовлетворяет требованиям Статьи 13, то множество средств правовой защиты, предусмотренных по внутригосударственному праву, может удовлетворять им»³².

Установив отсутствие в российской правовой системе эффективных средств правовой защиты, которые могли бы пресечь затягивание судебного разбирательства или принудительного исполнения окончательного судебного решения, Европейский Суд подчеркнул, что в таких условиях допускаемые государственными органами нарушения разумного срока, выливаясь в структурную проблему, требуют принятия «исчерпывающих и сложных мер, возможно законодательного и административного характера, затрагивающих различные органы государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровне»³³.

Следует отметить, что к ключевым (для оценки подобного средства правовой защиты против чрезмерной длительности судебного разбирательства и принудительного исполнения окончательных судебных решений) Суд относил следующие критерии:

- дело о компенсации должно быть рассмотрено в разумный срок;
- компенсация должна быть выплачена быстро и, как правило, не позднее шести месяцев начиная с даты, с которой вступило в действие решение о присуждении компенсации;
- процессуальные нормы, регулирующие рассмотрение требования о компенсации, должны соответствовать принципу справедливости, гарантированному ст. 6 Конвенции;
- нормы относительно судебных издержек не должны быть чрезмерно обременительны для участников процесса в случае удовлетворения требования о справедливой компенсации;
- размер присуждаемой компенсации не должен быть неразумным по сравнению с компенсацией, присуждаемой Европейским Судом по аналогичным делам.

³² Постановление от 15 января 2009 года по делу «Бурдов против России» (№ 2) (*Burdov v. Russia*), жалоба № 33509/04.

³³ Там же.

2. Концепция Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»

Верховным Судом РФ в 2008 году, незадолго до принятия указанного постановления Европейского Суда по делу «Бурдов против России» (№ 2) были подготовлены и внесены в Государственную Думу проект федерального конституционного закона № 103575-5 «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов» (далее — проект № 103575-5) и проект федерального закона № 103603-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального конституционного закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов»³⁴.

В пояснительной записке к проекту № 103575-5 указывалось: «Посредством принятия названного закона в Российской Федерации будет создано специальное внутригосударственное средство правовой защиты, что позволит более полно защитить права граждан Российской Федерации, существенно уменьшить количество их обращений в Европейский Суд по правам человека, а следовательно, и количество дел в этом суде, возбуждаемых против Российской Федерации».

Данный проект не был поддержан Советом при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее — Совет по кодификации) в силу ряда причин, которые были отражены в заключении от 24 ноября 2008 года³⁵.

Основным недостатком проекта было признано то, что он разрабатывался без учета действующих норм ГК РФ о возмещении вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) государственных и муниципальных органов. В заключении Совета по кодификации подчеркивалось, что положения ст. 16, 1069, 1070, 1071 ГК РФ не содержат каких-либо препятствий для обращения в суд с требованием о возмещении вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов. Кроме того, отмечалось, что анализ судебной практики свидетельствует о том, что арбитражные суды принимают к рассмотрению требования о возмещении вреда, причиненного неправомерными действиями (бездействием) суда (судьи), и выносят решения по таким делам. В то же время суды общей юрисдикции не принимают к производству такие

³⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.09.2008 № 16 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федерального конституционного закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов» и федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О возмещении государством вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов».

³⁵ См. это заключение (файл Zakl_24_11_2008_1.rtf) на портале Исследовательского центра частного права при Президенте РФ // http://www.privlaw.ru/index.php?section_id=88.

заявления со ссылкой на то, что основания и порядок возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) суда (судьи), а также подведомственность и подсудность дел должны быть урегулированы законом, однако в настоящее время такой закон не принят³⁶. Данный подход, сформировавшийся в судах общей юрисдикции, был подвергнут в заключении Совета по кодификации обоснованной критике со ссылкой на отсутствие необходимости в создании особого порядка возмещения материального вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов, поскольку такой вред подлежит возмещению в соответствии с положениями ст. 16, 1069, 1070, 1071 ГК РФ.

Правильность позиции, отраженной в заключении Совета по кодификации, подтверждает и определение Конституционного Суда РФ от 05.03.2009 № 278-О-П, в котором указано, что положение п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ не предполагает отказ судьи в принятии искового заявления о возмещении государством вреда, причиненного при осуществлении гражданского судопроизводства, в случаях, когда спор не разрешается по существу вследствие незаконных действий (или бездействия) суда (судьи), в том числе при нарушении разумных сроков судебного разбирательства, если вина судьи установлена не приговором суда, а иным соответствующим судебным решением. Иное толкование данного законоположения, подчеркивал КС РФ, приводило бы к отказу гражданам в доступе к правосудию и компенсации государством причиненного ущерба и тем самым к нарушению прав, гарантированных ст. 46, 52 и 53 Конституции РФ.

С учетом сказанного было принято решение отказаться от подхода, предложенного проектом № 103575-5.

Работа над проектом федерального закона № 346759-5 «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – законопроект о компенсации, законопроект) велась в принципиально ином ключе.

Прежде всего, названный законопроект разрабатывался в качестве эффективного средства для предупреждения нарушений разумного срока судебного разбирательства и исполнения судебного акта. То есть его основным предназначением стало предотвращение отмеченных нарушений, тогда как задача собственно компенсации была вторичной. С учетом этого рабочая группа (под руководством Советника Президента РФ В. Ф. Яковлева) исходила из необходимости закрепить в законопроекте возможность предъявления регрессных требований к непосредственному нарушителю, что затем должно было найти подробное урегулирование в соответствующем федеральном законодательстве. Поскольку целевая направленность законопроекта – предотвратить нарушение разумных сроков органами и должностными лицами, положение, предусматривающее возможность предъявления к нарушителям требования в порядке регресса, полностью соответствует этим целям. При этом учитывалось, что в отсутствие указанных положений в законодательстве ущерб, причиненный в результате

³⁶ См., например, определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17.06.2002 № 78-Г02-26, от 20.03.2003 № 49-Г03-14, от 06.06.2003 № 48-Г03-6.

незаконных действий (бездействия) государственных органов и должностных лиц, возмещается за счет средств соответствующего бюджета, тогда как привлечение к ответственности самих нарушителей не предусматривается. В условиях полной безнаказанности у нарушителей отсутствует мотивация к соблюдению требований законодательства, что кроме прочего способствует коррупции. Именно это послужило отправной точкой для закрепления в законопроекте о компенсации возможности предъявления требований в порядке регресса к непосредственным нарушителям разумных сроков судебного разбирательства или исполнения судебного решения.

В то же время требовалось подробное урегулирование вопросов собственно компенсации за нарушение разумных сроков. При разработке законопроекта о компенсации рабочая группа исходила из того, что закон должен закреплять не возмещение вреда, причиненного нарушением права на судопроизводство в разумные сроки и права на исполнение в разумные сроки вступивших в законную силу судебных актов, а присуждение компенсации. То есть разработчики предполагали установить не меру ответственности суда (судьи) или иного государственного органа, а возможность присуждения пострадавшему лицу денежного возмещения («утешения», «извинения») за нарушение, которое допустили органы государства или должностные лица, чрезмерно длительно рассматривая его дело и исполняя судебное решение.

Разработчики законопроекта о компенсации ориентировались на то, что предусмотренная им компенсация должна представлять собой публично-правовой, а не гражданско-правовой институт, что принципиально отличает присуждение компенсации от возмещения имущественного вреда, регулируемого гражданским законодательством. Именно поэтому в отличие от такого способа защиты, как возмещение вреда, регулируемого ГК РФ, присуждение компенсации планировалось ввести:

- независимо от вины суда (судьи) или органа, на который возложена обязанность по исполнению вынесенного судебного решения;
- на основании установленного судом факта нарушения разумного срока (судебного разбирательства или исполнения судебного решения).

Таким образом, компенсация за нарушение права граждан и организаций на судебное разбирательство и исполнение судебного акта в разумный срок рассматривалась в качестве самостоятельного института публичного права. Но эта компенсация ни в коей мере не противопоставлялась взысканию имущественного вреда, а, наоборот, была призвана стать дополнительным средством правовой защиты от нарушений, связанных с необоснованно длительным судопроизводством и (или) неисполнением судебных решений.

В то же время рассматриваемая компенсация, несмотря на публично-правовую природу, по своей сути очень близка к институту возмещения морального вреда. Вследствие чего данная компенсация (публично-правовой институт) используется в качестве механизма, призванного замещать возмещение морального вреда (частноправовой институт) применительно к ситуациям чрезмерной длительности судебного разбирательства³⁷.

³⁷ На это обращает внимание И. Юдкина. – См.: Юдкина И. А. Правовая природа компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Журнал российского права. 2012. № 5. С. 123.

Работа над законопроектом о компенсации завершилась принятием Федерального закона от 30.04.2010 № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – Закон о компенсации), в п. 4 ст. 1 которого закреплено правило, согласно которому присуждение этой компенсации:

- не препятствует возмещению вреда в соответствии со ст. 1069, 1070 ГК РФ;
- лишает заинтересованное лицо права на компенсацию морального вреда за соответствующие нарушения – нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

3. Область применения Закона о компенсации и его оценка Европейским Судом по правам человека

Закон о компенсации призван урегулировать две ситуации нарушения разумных сроков: во-первых, при осуществлении судебного разбирательства; во-вторых, при принудительном исполнении окончательного судебного решения (см. по этому поводу Введение). Соответственно для обозначения судебного разбирательства в Законе используется термин «судопроизводство», а для принудительного исполнения окончательного судебного решения — термин «исполнительное производство».

Европейский Суд уже имел возможность оценить действующий Закон о компенсации с позиции допустимости признания его эффективным средством правовой защиты и высказал две различные позиции в отношении каждой из обозначенных ситуаций нарушения разумных сроков, урегулированных этим Законом.

▼ Важно то, что в отношении ситуаций нарушения разумных сроков при осуществлении судебного разбирательства («судопроизводства» — в терминологии Закона о компенсации) под действие Закона подпадают все категории дел. Иными словами, требовать присуждения компенсации за чрезмерную длительность судебного разбирательства вправе любое лицо, юридическое дело которого (гражданское, административное, уголовное), по его мнению, рассматривалось судебным органом слишком долго.

Проанализировав положения разбираемого Закона, Европейский Суд признал его эффективным средством правовой защиты в ситуациях нарушения разумных сроков судебного разбирательства (судопроизводства).

Так, в деле «Фахретдинов и другие против России»³⁸ Суд специально указал, что Закон о компенсации предоставляет заявителю право обратиться в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение его права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение в разумный срок судебного акта, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации (п. 1 ст. 1). Компенсация присуждается в случае, если такое нарушение имело место по причинам, не зависящим от заявителя, за исключением чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств (непреодолимой силы). Суд также отметил, что нарушение установленных российским законодательством сроков рассмотрения дела само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок (п. 2 ст. 1 Закона о компенсации); присуждение компенсации не зависит от наличия вины компетентных органов (п. 3 ст. 1)³⁹. С учетом признания данного Закона эффективным средством правовой защиты Европейский Суд указал, что все лица, подавшие жалобы в Суд на нарушение их права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, вправе обратиться с заявлением о присуждении компенсации в национальные суды на основании Закона о компенсации в течение шести месяцев с момента его вступления в силу, при условии, что Европейский Суд еще не вынес решение по вопросу о приемлемости жалобы.

³⁸ Решение о приемлемости от 23 сентября 2010 года по делу «Фахретдинов и другие против России» (*Fakhretdinov and others v. Russia*), жалобы № 26716/09, № 67576/09 и № 7698/10.

³⁹ В этом же постановлении Европейский Суд подчеркнул следующее: компенсация присуждается в денежной форме (п. 1 ст. 2 Закона о компенсации). Размер компенсации определяется судами исходя из требований заявителя, обстоятельств дела, длительности нарушения и значимости его последствий для заявителя, а также с учетом принципов разумности, справедливости и практики Европейского Суда (п. 2 ст. 2). Решение суда о присуждении компенсации подлежит немедленному исполнению (п. 4 ст. 4). Оно может быть обжаловано в соответствии с действующим процессуальным законодательством (п. 5 ст. 4). Расходы на выплату компенсации предусматриваются в федеральном бюджете, бюджетах субъектов РФ и местных бюджетах (п. 3 ст. 5) (см. решение по вопросу о приемлемости от 23 сентября 2010 года по делу «Фахретдинов и другие против России» (*Fakhretdinov and others v. Russia*), жалобы № 26716/09, № 67576/09 и № 7698/10, § 13-15).

В деле «Наговицын и Нальгиев против России»⁴⁰ Европейский Суд подчеркнул, что считает целесообразным и обоснованным требовать, чтобы заявители обязательно использовали новое внутреннее средство правовой защиты, введенное Законом о компенсации.

Вследствие сказанного заявитель, который считает себя пострадавшим от чрезмерной длительности судопроизводства (судебного разбирательства), обязан обратиться в национальный суд с заявлением о выплате ему компенсации в соответствии с положениями Закона о компенсации. Если размер выплаченной компенсации в значительной мере меньше, чем предусмотрено в обычной практике Европейского Суда, заявитель вправе обращаться в Суд с соответствующей жалобой.

При обращении с требованием о присуждении компенсации за нарушение разумного срока судебного разбирательства в национальных судах заявителем должны быть соблюдены все нормы национального процессуального законодательства, включая установленные законом сроки. Если, например, жалоба заявителя была отклонена национальным судом ввиду пропуска процессуального срока или срока исковой давности либо ввиду нарушения правил о подведомственности дел или соответствующих процессуальных норм и заявитель ответствен за эти несоблюдения требований национального законодательства, Суд не может рассматривать жалобу: заявитель не признается исчерпавшим внутренние средства правовой защиты.

Нужно особо заметить, что в ситуации, когда российские суды уклоняются от рассмотрения требования о присуждении компенсации, заявитель может обратиться с соответствующим заявлением в Европейский Суд.

Так, Европейский Суд, рассмотрев заявление по делу «Челикиди против России», в котором заявитель жаловался на отказ московских судов рассмотреть его требование о присуждении компенсации в связи с чрезмерной длительностью судебного разбирательства, признал Россию нарушившей п. 1 ст. 6 Конвенции (право на суд) и обязал государство-ответчика выплатить заявителю 6000 евро в качестве компенсации⁴¹.

▼ Применительно к ситуациям нарушения разумных сроков при осуществлении принудительного исполнения окончательного судебного решения («исполнительного производства» — в терминологии Закона о компенсации) под действие Закона подпадают только случаи исполнения денежного обязательства бюджетными учреждениями. Причем следует различать две ситуации, что обусловлено существованием двух порядков принудительного исполнения судебных актов: в общем порядке исполнение судебных решений происходит по правилам Закона об исполнительном производстве, а специальный порядок установлен ст. 934 Бюджетного кодекса РФ для исполнения судебных актов, предусматривающих взыскание в пользу истца средств бюджета (в первом случае исполнение возлагается на судебных приставов-исполнителей, во втором — на соответствующее казначейство).

С учетом сказанного можно заключить, что из-под регулирования Закона о компенсации выведены многие ситуации, среди которых следует упомянуть принудительное исполнение:

⁴⁰ Решение о приемлемости от 23 сентября 2010 года по делу «Наговицын и Нальгиев против России» (*Nagovitsyn and Nalgijev v. Russia*), жалобы № 27451/09, 60650/09, § 37.

⁴¹ Постановление от 10 мая 2012 года по делу «Челикиди против России» (*Chelikidi v. Russia*), жалоба № 35368/04.

- всякого неденежного обязательства;
- денежного обязательства частного лица (гражданина либо юридического лица, не являющегося бюджетным учреждением);
- денежных обязательств унитарных предприятий.

Европейский Суд, оценивая Закон о компенсации в данной части, высказался следующим образом: «Европейский Суд может только вновь установить, что в настоящее время в российском праве не существует какого-либо эффективного средства правовой защиты, позволяющего ускорить исполнение решения суда, вынесенного против государства, или компенсировать вред, причиненный длительным неисполнением (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бурдов против Российской Федерации (№ 2)», § 117), за исключением дел, на которые распространяется действие Закона о компенсации, принятого во исполнение пилотного Постановления (постановление по делу «Бурдов против России» (№ 2), далее – пилотное Постановление. – *М. Р., Д. А.*) (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу «Наговицын и Нальгиев против России», §§ 27-30 и 41). С глубоким сожалением Европейский Суд пришел к заключению, что проблема отсутствия внутригосударственного средства правовой защиты, которая квалифицирована в упоминавшемся выше пилотном Постановлении как структурная и устойчивая, полностью сохраняется в большой категории дел, рассматриваемых Европейским Судом, что по-прежнему вынуждает заявителей обращаться в Европейский Суд за эффективной защитой своих прав. Власти Российской Федерации не представили какого-либо нового довода, способного привести к отказу от этого вывода»⁴².

Следовательно, в ситуации, когда заявитель считает себя пострадавшим от чрезмерной длительности исполнительного производства (принудительного исполнения окончательного судебного решения), в соответствии с положениями Закона о компенсации он может обратиться за присуждением компенсации в национальный суд, только если речь идет о неисполнении судебного акта, которым исполнителю присуждены бюджетные денежные средства. Если размер выплаченной компенсации значительно меньше, чем предусмотрено в обычной практике Европейского Суда, заявитель вправе обращаться в Суд с соответствующей жалобой.

В ситуации, когда заявитель пострадал от чрезмерной длительности исполнительного производства (принудительного исполнения окончательного судебного решения) во всех иных случаях (резюльция судебного акта содержит вывод о присуждении к исполнению неденежного обязательства либо денежного/неденежного обязательства частных лиц или унитарных предприятий), Закон о компенсации на такие случаи не распространяется, то есть он не является эффективным средством правовой защиты. В указанных обстоятельствах пострадавшее лицо не может обращаться в национальные суды с требованием о выплате компенсации, но обладает правом обращаться в Европейский Суд, минуя этап получения компенсации на национальном уровне.

⁴² Постановление от 17 апреля 2012 года по делу «Илюшкин и другие против России» (*Ilyushkin and other v. Russia*), жалобы № 5734/08, 20420/07, 54342/08, 56997/08, 60129/08, 4561/09, 7738/09, 11273/09, 11993/09, 16960/09, 20454/09, 21964/09, 26632/09, 28914/09, 31577/09, 31614/09, 31685/09, 32395/09, 35053/09, 36327/09, 38180/09, 45131/09, 48059/09, 52605/09, 56935/09, 58034/09, 59761/09, 1048/10 и 1119/10.

4. Разъяснения высших судебных инстанций в связи с началом действия Закона о компенсации

Почти сразу после вступления в силу Закона о компенсации высшими судебными инстанциями было принято постановление Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (далее – постановление № 30/64).

Прежде всего, надо подчеркнуть, что в пп. 1 и 3 постановления № 30/64 специально указано на ограниченное действие Закона о компенсации в отношении исполнения судебных актов (о котором говорилось в предыдущем разделе настоящей работы) и для целей правильного и единообразного применения Закона сформулировано понятие денежного обязательства⁴³. Согласно п. 1 постановления № 30/64 в целях настоящего Закона под денежным обязательством следует понимать «обязанность получателя бюджетных средств уплатить бюджету, физическому лицу и юридическому лицу за счет средств бюджета определенные денежные средства в соответствии с выполненными условиями гражданско-правовой сделки, заключенной в рамках его бюджетных полномочий, или в соответствии с положениями закона, иного правового акта, условиями договора или соглашения».

Постановлением № 30/64 определен круг лиц, которые могут обращаться с требованиями о присуждении компенсации. Применительно к гражданским делам это граждане России, иностранные граждане, лица без гражданства, российские, иностранные и международные организации, являющиеся сторонами или заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора третьими лицами, заявителями, взыскатели, должники, а также прокурор в случае, если гражданин по состоянию здоровья, возрасту и иным уважительным причинам не может обратиться в суд (пп. 4 и 6). В случае смерти гражданина или реорганизации юридического лица, обратившихся в суд с заявлением о присуждении компенсации, допускается замена этих лиц их правопреемниками на любой стадии процесса или на стадии исполнения судебного решения (п. 5).

Постановлением № 30/64 предусмотрено, что при обращении с заявлением о присуждении компенсации лица, не имеющего права на подачу такого заявления, заявление ему возвращается, а если оно было принято к производству, такое производство подлежит прекращению (пп. 24 и 32). В качестве лиц, не имеющих права на подачу заявления о компенсации, в п. 24 постановления № 30/64 упомянуты:

- лица, не подпадающие под действие ч. 1 ст. 1 Закона о компенсации, их представители, а также представители, чьи полномочия на подписание и подачу в суд заявления о присуждении компенсации от имени лиц, имеющих право требовать присуждения компенсации, не подтверждены в установленном законом порядке;

⁴³ Не путать с понятием денежного обязательства, применяемым в гражданском праве. – См., например: Рожкова М. А. О круге денежных обязательств, значимых для определения наличия признаков банкротства // Корпоративный юрист. 2009. № 4. С. 20-24.

- лица, в отношении которых Европейским Судом по правам человека вынесено решение по вопросу приемлемости их жалобы на предполагаемое нарушение их права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок либо по существу их дела;
- лица, требующие присуждения компенсации за нарушение права на исполнение судебных актов в разумный срок, если в отношении их не выносились судебные акты о возмещении вреда, причиненного в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо их должностных лиц, судебные акты, предусматривающие возложение обязанности на органы государственной власти, органы местного самоуправления, их должностных лиц, государственных или муниципальных служащих произвести выплаты за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, местного бюджета, а также не выносились судебные акты, предусматривающие обращение взыскания на средства федерального бюджета, бюджета субъекта РФ, местного бюджета по денежным обязательствам бюджетных (казенных) учреждений.

Высшие судебные инстанции разъяснили, что заявление о присуждении компенсации в любом случае (при чрезмерности сроков судопроизводства и сроков исполнения) подается в суд, который уполномочен рассматривать такое заявление, через суд, вынесший решение (определение, постановление) в качестве суда первой инстанции (п. 8 постановления № 30/64). Таким образом, заявление о присуждении компенсации должно быть подано в соответствующий арбитражный суд первой инстанции (арбитражный суд субъекта РФ), с тем чтобы его рассмотрел уполномоченный федеральный арбитражный суд округа. В ситуации обращения с заявлением о присуждении компенсации не через суд, принявший решение, это заявление возвращается, что не является препятствием для повторного обращения с таким заявлением после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его возвращения (пп. 25 и 27 постановления № 30/64).

К заявлению о присуждении компенсации предъявляются общие требования: оно подается в письменной форме, должно быть подписано лицом, его подающим (либо его представителем), а также оплачено государственной пошлиной (п. 10 постановления № 30/64).

Заявление должно быть подано в течение шести месяцев:

- со дня вступления в законную силу последнего судебного акта по делу (это может быть решение; определение о прекращении производства по делу; определение об оставлении заявления без рассмотрения; постановление суда апелляционной инстанции; если дело не возвращено на рассмотрение в нижестоящий суд, определение или постановление суда кассационной инстанции; определение или постановление суда надзорной инстанции, если заявитель ссылается на чрезмерную продолжительность судопроизводства) (п. 11 постановления № 30/64); либо
- со дня окончания производства по исполнению судебного акта, если заявитель указывает на чрезмерную продолжительность исполнения судебного акта (п. 14 постановления № 30/64).

Если производство по гражданскому делу не окончено, заявление о присуждении компенсации может быть подано по истечении трех лет со дня поступления в суд первой инстанции искового заявления (заявления) (п. 12 постановления № 30/64). Отметим, что заявление о присуждении компенсации по делу, производство по которому не окончено, может быть принято к производству суда только в том случае, если лицо, которое обратилось за компенсацией, ранее обращалось к председателю соответствующего суда с заявлением об ускорении рассмотрения дела (п. 17 постановления № 30/64): порядок обращения с таким заявлением об ускорении и порядок его рассмотрения определены в пп. 17-23 постановления № 30/64.

В случае, если не окончено исполнительное производство, такое заявление может быть подано не ранее чем через шесть месяцев со дня истечения срока, установленного федеральным законом для исполнения судебного акта, при том что Бюджетным кодексом РФ предусмотрен трехмесячный срок для исполнения судебных актов по искам к Российской Федерации, субъекту РФ, муниципальному образованию; исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства федерального бюджета по денежным обязательствам федеральных бюджетных учреждений; исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджета субъекта РФ по денежным обязательствам бюджетных учреждений субъекта РФ; исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства местного бюджета по денежным обязательствам муниципальных бюджетных учреждений (п. 14 постановления № 30/64).

Заявление о присуждении компенсации возвращается заявителю, если обращение с этим заявлением имело место без предварительного обращения заинтересованного лица с заявлением об ускорении рассмотрения гражданского дела, продолжительность судопроизводства по которому превысила три года; либо с пропуском шестимесячного срока со дня вступления в законную силу (силу) последнего судебного акта, принятого по гражданскому делу; либо до истечения трех лет со дня поступления в суд первой инстанции искового заявления (заявления) по гражданскому делу, производство по которому не окончено (п. 25 постановления № 30/64). Возвращение заявления о присуждении компенсации не является препятствием для повторного обращения в суд с таким заявлением после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его возвращения (п. 27 постановления № 30/64).

Высшие судебные инстанции, руководствуясь положениями действующего законодательства, признали допустимым восстановление пропущенного срока на обжалование при наличии соответствующего ходатайства о восстановлении пропущенного срока (п. 15 постановления № 30/64). Вместе с тем указано, что «этот срок может быть восстановлен только в случае установления обстоятельств, объективно исключавших возможность своевременного обращения в суд с заявлением о присуждении компенсации и не зависящих от лица, подающего ходатайство о восстановлении срока (например, болезни, лишавшей возможности обращения лица в суд, беспомощного состояния, а также несвоевременного направления лицу копии документа)». В то же время не будут рассматриваться в качестве таких обстоятельств «ссылки заявителя-организации на необходимость согласования с каким-либо ли-

цом вопроса о подаче заявления о присуждении компенсации, нахождение представителя заявителя в командировке (отпуске), кадровые перестановки, отсутствие в штате организации юриста, смену руководителя (нахождение его в длительной командировке, отпуске), а также на иные внутренние организационные проблемы юридического лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации».

В постановлении № 30/64 определен круг лиц, которые могут быть признаны заинтересованными лицами и вследствие этого привлечены к участию в деле о присуждении компенсации (п. 30). Помимо заявителя к заинтересованным лицам отнесены должностные лица, на которых возложена обязанность по исполнению судебного акта, а также иные лица, чьи действия (бездействие) повлекли увеличение срока судопроизводства или исполнения судебного акта: например, главный распорядитель средств федерального бюджета, главный распорядитель средств бюджета субъекта РФ, главный распорядитель средств местного бюджета, орган Федерального казначейства. К участию в деле о присуждении компенсации в качестве заинтересованного лица не может быть привлечен суд или судья, рассмотревший (рассматривающий) дело, в связи с которым возникли основания для подачи заявления о присуждении компенсации, а также лица, которые участвовали (участвуют) в этом деле (хотя указанный суд или судья не лишены права представить объяснения, возражения или доводы относительно заявления о присуждении компенсации).

Согласно п. 33 постановления № 30/64 при рассмотрении заявления о присуждении компенсации судья не связан доводами, содержащимися в заявлении. Задача суда – установить факт нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, что и является основанием для присуждения компенсации. Высшие судебные инстанции сформулировали общие подходы к определению обстоятельств, имеющих существенное значение для установления факта такого нарушения (пп. 35-46). К таким обстоятельствам было решено относить следующие:

- при оценке правовой и фактической сложности дела судам рекомендовалось учитывать наличие обстоятельств, затрудняющих рассмотрение дела, число соистцов, соответчиков и других участвующих в деле лиц, необходимость проведения экспертиз, их сложность, необходимость допроса значительного числа свидетелей, участие в деле иностранных лиц, необходимость применения норм иностранного права (п. 35). Специально подчеркнуто, что рассмотрение дела различными судебными инстанциями, участие в деле органов публичной власти сами по себе не могут свидетельствовать о сложности дела;
- при оценке поведения заявителя судам рекомендовалось иметь в виду, что на него нельзя возлагать ответственность за длительное рассмотрение дела в связи с использованием им процессуальных средств, предоставляемых законодательством для осуществления своей защиты, в частности за изменение исковых требований, изучение материалов дела, заявление ходатайств, обжалование вынесенных судебных актов (п. 36). В то же время указывалось на допустимость отказа в удовлетворении заявления о присуждении компенсации, если заявитель

не исполнял возложенные на него процессуальные обязанности, что и привело к нарушению разумного срока судебного разбирательства (например, не представлял доказательства, не являлся без уважительных причин в судебное заседание);

– при оценке действий суда (судьи) судам рекомендовалось исследовать вопросы, связанные со своевременностью назначения дела к слушанию, проведением судебных заседаний в назначенное время, сроками изготовления судьей мотивированного решения и направления его сторонам, полнотой осуществления судьей контроля за выполнением работниками аппарата суда своих служебных обязанностей, в том числе по извещению участвующих в деле лиц о времени и месте судебного заседания, своевременным изготовлением протокола судебного заседания и ознакомлением с ним сторон, полнотой и своевременностью принятия судьей мер в отношении участников процесса и других лиц, направленных на недопущение их процессуальной недобросовестности и процессуальной волокиты по делу (п. 37). При этом отмечалось, что отложение рассмотрения дела, назначение и проведение экспертизы, участие судьи в рассмотрении иных дел и т.п. сами по себе не противоречат действующему законодательству, но если они приводят к нарушению права на судопроизводство в разумный срок, заявление о присуждении компенсации подлежит удовлетворению. Помимо изложенного подчеркивалось, что не оправдывают превышение разумных сроков судопроизводства обстоятельства, связанные с организацией работы суда (например, отсутствие необходимого штата судей, замена судьи ввиду его болезни, отпуска, пребывания на учебе, нахождения в служебной командировке, прекращения или приостановления полномочий), с организацией работы органов прокуратуры (п. 38). Действия названных лиц могут быть признаны достаточными и эффективными только в том случае, если они способствуют своевременному рассмотрению гражданского дела (п. 40);

– при оценке деятельности суда (судьи), органов, организаций и должностных лиц, действующих при исполнении судебного акта, судам рекомендовалось учитывать, в частности, своевременность выдачи надлежащим образом оформленного исполнительного документа, а также направления такого документа судом в орган, уполномоченный исполнять соответствующий судебный акт (п. 39). Превышение разумного срока исполнения судебного акта не оправдывают обстоятельства, связанные в том числе с организацией процедуры исполнения судебных актов, отсутствием необходимых для исполнения судебного акта денежных средств. Действия названных лиц могут быть признаны достаточными и эффективными, только если они способствуют своевременному исполнению судебного акта (п. 40);

– при исчислении общей продолжительности судопроизводства по гражданскому делу судам рекомендовалось учитывать период со дня поступления искового заявления (заявления) в суд первой инстанции до принятия последнего акта по делу (см. изложенное ранее). В ситуа-

ции, когда судопроизводство по гражданскому делу не окончено, подлежит учету период со дня поступления искового заявления (заявления) в суд первой инстанции до дня поступления заявления о присуждении компенсации в суд, уполномоченный рассматривать такое заявление (п. 41). При этом учитывается только то время, в течение которого дело находится в производстве суда (п. 44);

– при исчислении общей продолжительности исполнения судебного акта судам рекомендовалось учитывать период со дня поступления надлежаще оформленного исполнительного документа на исполнение до момента окончания производства по исполнению судебного акта (п. 43);

– при решении вопроса о разумности срока судам рекомендовано исходить из того, что превышение общей продолжительности судопроизводства по гражданскому делу, равной трем годам, не всегда свидетельствует о нарушении права на судопроизводство в разумный срок, так же как и осуществление судопроизводства по гражданскому делу в срок менее трех лет с учетом обстоятельств дела может свидетельствовать о нарушении права на судопроизводство в разумный срок (п. 45).

Высшие судебные инстанции также разъяснили, что лицо, обратившееся с заявлением о присуждении компенсации, не должно доказывать наличие вреда (п. 47 постановления № 30/64). Размер компенсации должен определять суд, обеспечивая в каждом конкретном случае индивидуальный подход к определению размера компенсации.

Согласно п. 49 постановления № 30/64 при определении размера компенсации следует учитывать:

- требования лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации;
- обстоятельства дела или производства по исполнению судебного акта, по которым допущено нарушение;
- продолжительность нарушения;
- наступившие вследствие этого нарушения последствия;
- значимость наступивших негативных последствий для заявителя;
- практику Европейского Суда по правам человека в части присуждения компенсации за аналогичные нарушения.

5. Позиции, сформулированные Верховным Судом РФ по результатам изучения складывающейся судебной практики по делам о присуждении компенсации

Бесспорно, в постановлении № 30/64 не были, да и не могли быть подробно разъяснены все вопросы, связанные с присуждением компенсации за нарушение разумности срока. В связи с тем, что некоторые вопросы, не получившие освещения, постоянно возникали на практике, Верховным Судом РФ были подготовлены соответствующие разъяснения, отраженные в Обзоре практики рассмотрения судами общей юрисдикции дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, утвержденном Президиумом ВС РФ 18 мая 2011 года (далее – Обзор).

Вначале Верховный Суд РФ уделил внимание случаям чрезмерной длительности исполнения судебных актов, не подпадающих под понятие «судебный акт, предусматривающий обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации» (см. об этом в разделе 3 настоящей работы). Поскольку Закон о компенсации не распространяет свое действие на указанные случаи, взыскатели по таким судебным актам не обладают правом на присуждение соответствующей компенсации, вследствие чего их заявления о присуждении подлежат возвращению судом.

По смыслу п. 1 Обзора⁴⁴ случаи исполнения судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на денежные средства граждан, а также организаций, не являющихся получателями бюджетных средств (по делам о взыскании задолженности по договору, возмещении причиненного вреда, применении мер ответственности), не могут рассматриваться как исполнение судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ. С учетом этого Верховный Суд РФ обратил внимание судов на то, что при данных обстоятельствах в определении о возвращении заявления нельзя указывать на то, что возвращение заявления не является препятствием для повторного обращения в суд с таким заявлением после устранения обстоятельств, послуживших основанием для его возвращения. Это обусловлено тем, что в любом таком случае вообще недопустима возможность для взыскателя требовать присуждения компенсации в соответствии с Законом о компенсации.

В п. 2 Обзора⁴⁵ отмечена недопустимость в аналогичной ситуации оставлять заявление без движения – опять-таки по причине того, что у взыскателя в принципе отсутствуют основания для обращения с заявлением о присуждении компенсации. Заявление сразу подлежит возвращению заявителю (взыскателю).

Иные ситуации рассмотрены Верховным Судом РФ в пп. 3 и 4 Обзора⁴⁶. В них речь идет о том, что взыскатель не обладает правом на присуждение компен-

⁴⁴ Тезис звучит следующим образом: «Отсутствие принятого в отношении заявителя судебного акта, предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, является неустрашимым обстоятельством, препятствующим повторному обращению в суд с заявлением о присуждении компенсации».

⁴⁵ Тезис звучит следующим образом: «Заявление о присуждении компенсации за неисполнение судебного акта, не предусматривающего обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, не может быть оставлено без движения в связи с отсутствием у заявителя права на подачу такого заявления».

⁴⁶ Тезис п. 3: «Заявление о присуждении компенсации возвращается на основании п. 2 ч. 1 ст. 244⁶ ГПК РФ (подача заявления с нарушением порядка и сроков) в случаях, если заявитель обладает правом на присуждение компенсации». Тезис п. 4: «Правом на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок наделяются лишь те взыскатели, право которых нарушено неисполнением в разумный срок судебных актов, предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации».

сации и в ситуации принудительного исполнения неденежного обязательства (см. о понятии «денежное обязательство», сформулированном в постановлении № 30/64, в разделе 4 настоящей работы), даже если должником является государственный орган. Как и в предыдущих случаях, исполняемый судебный акт не подпадает под понятие «судебный акт, предусматривающий обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации», вследствие чего заявитель не является лицом, обладающим правом на присуждение компенсации по правилам Закона о компенсации.

Заметим, что обозначенная позиция, как и вообще ограничение сферы применения Закона о компенсации (о чем говорилось в разделе 3 настоящей работы), была подвергнута критике в одном из постановлений Европейского Суда.

В частности, была высказана следующая точка зрения: «... Европейский Суд отметил, что Закон о компенсации, принятый во исполнение пилотного Постановления..., на которое сослались власти Российской Федерации, действительно может служить для достижения этой основной цели, к тому же жалобы касались длительного неисполнения судебных решений, обязывающих власти произвести выплаты из государственного бюджета...

36. Вместе с тем Европейский Суд с сожалением констатирует, что этого не происходит с жалобами, касавшимися длительного неисполнения судебных решений, возлагающих на государство обязательства любого иного рода, не относящиеся к выплатам денежных средств из государственного бюджета. Хотя было бы логично предположить, что действие Закона о компенсации должно распространяться и на эту широкую категорию дел, большое количество которых регулярно представляется на рассмотрение Европейского Суда, но это очень желательное предположение в конечном счете не осуществилось ни в теории, ни на практике.

37. Прежде всего Европейский Суд отмечает, что как из статьи 1 Закона о компенсации, так и из толкования Верховного Суда Российской Федерации, данного в Постановлении № 30/64 (см. § 19 настоящего Постановления), следует, что действие нового закона распространяется только на случаи неисполнения судебных решений, возлагающих обязательства денежного характера, а не на случаи неисполнения обязательств, не связанных с денежными выплатами. В этой связи Европейский Суд напоминает, что в российском праве государственный бюджет включает только финансовые средства государства и органов местного самоуправления, а не материальные ценности (см. § 16 настоящего Постановления).

38. Далее Европейский Суд считает, что такое ограничительное толкование широко подтверждается правоприменительной практикой в этой области. Европейский Суд располагает большим количеством примеров из российской судебной практики, в которых истцы, и среди них два заявителя по настоящему делу, пытались на основании Закона о компенсации получить компенсацию в связи с неисполнением судебных решений о предоставлении им жилья (см. § § 21 и 22 настоящего Постановления). Все они без исключения сталкивались с отказом рассмотреть жалобы по существу на том основании, что действие упоминавшегося выше Закона не распространяется на случаи предоставления жилья. Во всех этих делах окончательное решение было вынесено Верховным Судом Российской Федерации. К этим примерам добавляется еще один, относящийся к тому же направлению, упоминавшийся Душковой (см. § 31 настоящего Постановления). По мнению Европейского

Суда, подобная единообразная практика Верховного Суда Российской Федерации, выносящего решения по кассационным жалобам, поданным на основании Закона о компенсации (см. § 18 настоящего Постановления), не оставляет никаких сомнений в том, что действие упоминавшегося Закона не распространяется на жалобы, как они сформулированы заявителями по настоящему делу. Европейский Суд не может принять во внимание решения областных судов Российской Федерации, доказывающих обратное, на которые ссылались власти Российской Федерации, поскольку они не представили текстов этих решений.

39. Таким образом, довод властей Российской Федерации о том, что Закон о компенсации может устранить неисполнение судебных решений, на которое жаловались заявители, совершенно не убедил Европейский Суд. Разумеется, Европейский Суд рассмотрел несколько решений, в которых национальные суды применили расширительное толкование данного Закона и вынесли решение в свете Конвенции о том, что следует выполнить обязательство государства компенсировать жертвам задержку в предоставлении жилья, полученного на основании решений судов Российской Федерации (см., например, § 22 настоящего Постановления). Однако такие достаточно прогрессивные решения остаются сравнительно редкими и в настоящее время не имеют какой-либо возможности преобладать в существующей судебной практике Верховного Суда Российской Федерации, который отменил как не соответствующие Закону о компенсации редкие решения подобного рода и который логично должен, соответственно, также отменить все аналогичные решения, вынесенные областными судами, включая решения, на которые ссылались власти Российской Федерации в обоснование своего довода (см. § 33 настоящего Постановления). Учитывая вышеизложенное, следует отметить, что существующая в настоящее время практика Верховного Суда Российской Федерации неопровержимо подтверждает, что заявители по настоящему делу не располагали внутригосударственным средством правовой защиты на основании Закона о компенсации. <...>

43. Следовательно, Европейский Суд может только вновь установить, что в настоящее время в российском праве не существует какого-либо эффективного средства правовой защиты, позволяющего ускорить исполнение решения суда, вынесенного против государства, или компенсировать вред, причиненный длительным неисполнением (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Бурдов против Российской Федерации (№ 2)", § 117), за исключением дел, на которые распространяется действие Закона о компенсации, принятого во исполнение пилотного Постановления (см. упоминавшееся выше Решение Европейского Суда по делу "Наговицын и Нальгиев против Российской Федерации", § § 27-30 и 41). С глубоким сожалением Европейский Суд пришел к заключению, что проблема отсутствия внутригосударственного средства правовой защиты, которая квалифицирована в упоминавшемся выше пилотном Постановлении как структурная и устойчивая, полностью сохраняется в большой категории дел, рассматриваемых Европейским Судом, что по-прежнему вынуждает заявителей обращаться в Европейский Суд за эффективной защитой своих прав. Власти Российской Федерации не представили какого-либо нового довода, способного привести к отказу от этого вывода»⁴⁷.

⁴⁷ Постановление от 17 апреля 2012 года по делу «Илюшкин и другие против России» (*Ilyushkin and other v. Russia*), жалобы № 5734/08, 20420/07, 54342/08, 56997/08, 60129/08, 4561/09, 7738/09, 11273/09, 11993/09, 16960/09, 20454/09, 21964/09, 26632/09, 28914/09, 31577/09, 31614/09, 31685/09, 32395/09, 35053/09, 36327/09, 38180/09, 45131/09, 48059/09, 52605/09, 56935/09, 58034/09, 59761/09, 1048/10 и 1119/10.

В п. 6 Обзора отмечена недопустимость распространения действия Закона о компенсации на случаи исполнения судебного акта о взыскании денежных средств с государственного унитарного предприятия. Указанные случаи должны быть отнесены к исполнению судебных актов, не предусматривающих обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, вследствие чего заявления взыскателей в такого рода ситуациях подлежат возвращению.

Помимо изложенного Верховный Суд РФ рассмотрел несколько ситуаций, когда заявление о присуждении компенсации должно быть непременно возвращено заявителю.

Так, в п. 11 Обзора указано на обязательность возвращения заявления о присуждении компенсации, если это заявление подано в суд, который является уполномоченным на рассмотрение таких заявлений, минуя суд первой инстанции (о чем говорилось в пп. 25 и 27 постановления № 30/64) (см. раздел 4 настоящей работы). Возвращение заявления о присуждении компенсации обусловлено тем, что такая подача заявления признается нарушающей установленный порядок обращения.

Определенное внимание в Обзоре было уделено вопросу установления сути понятия «разумность срока».

В п. 16 Обзора Верховный Суд РФ признал, что соблюдение процессуальных сроков при принятии заявления к производству и рассмотрению гражданского дела судом свидетельствует об отсутствии нарушения права на судопроизводство, то есть о соблюдении разумного срока на судопроизводство. В то же время несоблюдение процессуальных сроков само по себе еще не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок (п. 17 Обзора).

Приведенная позиция Верховного Суда РФ отражает существующий постулат: понятие «процессуальный срок» не тождественно понятию «разумный срок» — это различные понятия.

Например, в п. 21 Обзора разбирается пример из практики: общая продолжительность судопроизводства по делу составила 9 месяцев и 13 дней, причем предусмотренные процессуальным законодательством сроки составили 5 месяцев и 28 дней (два месяца для рассмотрения дела судом первой инстанции — ст. 154 ГПК РФ, пять дней для составления мотивированного решения суда — ст. 199 ГПК РФ, десять дней для подачи кассационных жалоб — ст. 338 ГПК РФ, один месяц для рассмотрения дела судом кассационной инстанции — ст. 348 ГПК РФ).

Как указывает Верховный Суд РФ, в данном случае имела место задержка рассмотрения дела (около четырех месяцев), которая произошла из-за ошибочного определения подсудности дела мировым судьей при принятии искового заявления к производству и ошибочного прекращения им производства по делу. Впоследствии мировой судья исправил допущенную им ошибку и направил дело по подсудности. В итоге Верховный Суд РФ согласился с тем, что, несмотря на то, что период судопроизводства по этому делу длился дольше допускаемых законом процессуальных сроков, нарушение права на судопроизводство не имело места.

В развитие изложенного в п. 15 Обзора подчеркивается, что срок менее 2-2,5 лет может быть признан нарушением права на судопроизводство в

разумный срок, вследствие чего заявление о присуждении компенсации, содержащее указание на то, что продолжительность судопроизводства составила менее трех лет, не может быть возвращено заявителю. Данное правило корреспондирует упомянутому п. 45 постановления № 30/64 (см. раздел 4 настоящей работы).

Верховный Суд РФ в рассматриваемом Обзоре коснулся и других обстоятельств, имеющих существенное значение для установления факта чрезмерной длительности судопроизводства или исполнения судебного акта. Так, в п. 18 Обзора было признано, что рассмотрение дела в течение 7 лет и 2 месяцев (со дня поступления искового заявления в суд и до момента принятия последнего судебного акта) нельзя признать разумным сроком судопроизводства. Его продолжительность была обусловлена рядом обстоятельств (болезнь судьи, нахождение его в отпуске, отложение дела на длительный период времени), которые свидетельствовали о недостаточности и неэффективности действий суда.

При этом сумма компенсации в размере 50 000 руб. за нарушение права на судопроизводство в разумный срок (производство продолжалось в течение 8 лет 1 месяца и 16 дней) была признана недостаточной (п. 19 Обзора). Верховный Суд РФ согласился с решением о том, что исходя из конкретных обстоятельств по делу, чрезмерной длительности судебного рассмотрения дела и с учетом практики Европейского Суда размер взысканной компенсации должен быть увеличен до 80 000 руб.

К сожалению, анализ судебной практики судов общей юрисдикции не позволяет установить, какой размер компенсации присуждается судами в тех или иных случаях, поскольку сумма компенсации в судебных актах Верховного Суда РФ, представленных в правовых базах данных, из текста изымается (в этой части судебные акты имеют купюры). Исключение из этого правила, существенно снижающего ценность обобщенной Верховным Судом РФ практики, представляют, пожалуй, Обзоры судебной практики Верховного Суда РФ.

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2011 года (утвержден Президиумом ВС РФ 28 сентября 2011 года) представлено дело о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок при рассмотрении дела по иску о восстановлении пропущенного срока принятия наследства, по итогам рассмотрения которого в пользу заявителя была взыскана сумма 120 000 руб.⁴⁸ (см. о нем в разделе 6.2 настоящей работы). В Обзоре законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2010 года (утвержден Президиумом ВС РФ 8 декабря 2010 года) приведены два дела: о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок при рассмотрении дела по потребительскому спору (размер присужденной компенсации составил 30 000 руб.) и при рассмотрении дела о признании недействительными договоров дарения (размер присужденной компенсации составил 80 000 руб.).

Стоит заметить, что практика арбитражных судов в отношении размера присуждаемой компенсации отнюдь не отличается единообразием.

⁴⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 41-Г10-68.

В литературе можно найти следующие примеры различий во взыскиваемых суммах:

« – Решением ФАС УО от 27.06.2011 № Ф09-3258/11-25/11-С5 в пользу заявителя взыскана компенсация за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок в размере 5000 руб. (неисполнение судебного акта составило 1 год 2 месяца, размер задолженности – 283 142 руб. 64 коп.);

– Решением ФАС УО от 28.06.2011 № Ф09-3680/11-27/11-С5 взыскано 2000 руб. компенсации (исполнительный лист не исполнялся в отношении нового взыскателя более 8 месяцев, непогашенная сумма составила 246 700 руб.);

– Решением ФАС УО от 02.12.2010 № Ф09-8990/10-17/10-С5 в пользу заявителя взыскано 20 000 руб. компенсации (общая продолжительность исполнения судебного акта составила более 2 лет, непогашенная сумма долга – 1 690 139 руб.);

– Решением ФАС УО от 10.12.2010 № Ф09-9281/10-21/10-С5 взыскано 10 000 руб. компенсации (судебное решение не исполнено в течение 1 года 11 месяцев, долг составил 160 829 руб. 17 коп.);

– Решением ФАС УО от 13.07.2011 № Ф09-3939/11 взыскано 1000 руб. компенсации (судебный акт не исполнен в течение 1 года 10 месяцев, долг составил 591 331 руб. 37 коп.);

– Решением ФАС УО от 19.04.2010 № Ф09-468/07-12/11-С5 взыскано 60 000 руб. компенсации (неисполнение судебного решения более 3 лет, сумма долга – 6 192 060 руб.);

– Решением ФАС ВСО от 11.01.2011 по делу № А19-7416/09 взыскано 15 000 руб. компенсации (общая продолжительность неисполнения судебного акта составляет 514 дней, размер задолженности – 84 077 руб. 24 коп.);

– Решением ФАС МО от 07.09.2010 по делу № КГ-А41/8533-10 суд взыскал 10 000 руб. компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок; <...>

– Решением ФАС ВСО от 13.12.2010 по делу № А19-7475/08 взыскано 100 000 руб. компенсации (продолжительность неисполнения судебного акта – 1 год 9 месяцев, сумма задолженности составляет 3 963 091 руб. 99 коп.);

– Решением ФАС ДО от 03.06.2011 по делу № А73-2599/2009 взыскано 15 000 руб. компенсации (задержка исполнения решения суда составила 1 год 3 месяца, задолженность – 98 622 руб. 74 коп.);

– Решением ФАС МО от 25.10.2010 КХ-11381-10 взыскано 80 000 руб. компенсации (продолжительность неисполнения судебного акта составила более 5 лет, сумма долга – 9 816 195 руб. 60 коп.);

– Решением ФАС СКО от 18.03.2011 по делу № А32-20345/2008 взыскано 100 000 руб. компенсации (задержка исполнения – более 1,5 года, размер задолженности – 9 342 679 руб.)⁴⁹.

В связи с этим особое внимание обращается на следующее: «На совещании, организованном ВАС РФ и состоявшемся в сентябре 2010 года, исходя из практики ЕСПЧ были озвучены примерные размеры компенсации: за каждый день нарушения права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок – около 2 евро. При этом отмечено, что такие тарифы касаются уголовных и гражданских дел, когда страдают обычные люди. Что касается организаций, то здесь четких ставок нет»⁵⁰.

⁴⁹ Сирота Е., Хорошун Ю. Компенсация за волокиту // ЭЖ-Юрист. 2012. № 41 (октябрь). С. 5.

⁵⁰ Там же.

6. Обозначенные высшими судами некоторые аспекты присуждения компенсации за нарушение разумного срока

Помимо изложенных «общих» разъяснений нельзя оставить без внимания конкретные дела, рассмотренные высшими судебными инстанциями в порядке надзора и обладающие реальным прецедентным значением для решения разбираемых в настоящей работе вопросов.

6.1. Исполнение судебного акта — позитивная обязанность государства, возложение которой на взыскателя является чрезмерным бременем

В ФАС Восточно-Сибирского округа (далее – ФАС ВСО) обратилось закрытое акционерное общество «Техносиб» (далее – Общество) с заявлением о присуждении 4717312 руб. 84 коп. компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок решения Арбитражного суда Иркутской области по делу № А19-1175/98, вынесенного 16 марта 1998 года. Этим решением арбитражный суд взыскал с администрации Эвенкийского муниципального района Красноярского края (далее – Администрация) в пользу товарищества с ограниченной ответственностью «А-Спектр» 6375428 руб. 86 коп. задолженности и 43477 руб. 14 коп. государственной пошлины.

6 мая 1998 года старшим судебным приставом подразделения судебных приставов по Илимпейскому району Эвенкийского автономного округа на основании представленного взыскателем исполнительного листа было возбуждено исполнительное производство о взыскании с Администрации указанных сумм задолженности.

29 мая 2000 года определением Арбитражного суда Иркутской области была произведена замена взыскателя (товарищества с ограниченной ответственностью «А-Спектр») его правопреемником – Обществом.

24 января 2005 года постановлением судебного пристава-исполнителя межрайонного отдела по реализации особо важных исполнительных производств Службы судебных приставов Отдела Минюста Российской Федерации по Эвенкийскому автономному округу Г. (далее – пристав-исполнитель) было возбуждено исполнительное производство о взыскании с Администрации в пользу Общества денежных средств в размере 6375428 руб. 86 коп.

27 января 2005 года в рамках возбужденного исполнительного производства было выставлено инкассовое поручение № 4 на счет должника.

5 апреля 2005 года Администрация платежным поручением перечислила названную сумму задолженности на депозитный счет службы судебных приставов.

В тот же день эта сумма была перечислена службой судебных приставов на расчетный счет общества с ограниченной ответственностью «Орлан» (далее – ООО «Орлан»). Основанием для перечисления указанной суммы третьему лицу стало поступившее в адрес службы судебных приставов письмо, направленное от имени Общества, в котором указывалось на перечисление денежных средств в размере 6375428 руб. 86 коп. третьему лицу – ООО «Орлан» с указанием назначения платежа «оплата за товар за ЗАО «Техносиб» в счет погашения задолженности по исполнительному листу от 30.04.1998 по делу № А19-1175/98-11». Банковская операция по перечислению денежных средств была проведена 12 апреля 2005 года.

6 апреля 2005 года постановлением пристава-исполнителя исполнительное производство было окончено и исполнительный лист возвращен в Арбитражный суд Иркутской области.

29 ноября 2005 года действия пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства были признаны арбитражным судом незаконными⁵¹ как на-

⁵¹ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 29.11.2005 по делу № А33-19070/2005.

рушающие нормы Федерального закона от 21.07.1997 № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон об исполнительном производстве 1997 года). Основанием для вывода о незаконности действий пристава-исполнителя стало то, что последний перечислил денежные средства третьему лицу без проверки полномочий лица, подписавшего документ от имени взыскателя, и без процессуальной замены соответствующей стороны исполнительного производства (лицо, подписавшее от имени Общества письмо о перечислении взысканных сумм третьему лицу, действовало в отсутствие необходимых полномочий). В то же время законодательство об исполнительном производстве не предусматривало права судебного пристава-исполнителя перечислять взысканные на основании исполнительного документа денежные средства лицу, не являющемуся стороной исполнительного производства.

С 1 января 2006 года вступил в силу Федеральный закон от 27.12.2005 № 197-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве». В редакции Закона № 197-ФЗ п. 2 ст. 1 Закона об исполнительном производстве 1997 года⁵², п. 3 ст. 239 и п. 2 ст. 242¹ Бюджетного кодекса РФ закрепили правило о том, что исполнение судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ должно производиться в соответствии с бюджетным законодательством. Пунктами 2, 3 ст. 239 БК РФ устанавливалось, что обращение взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ службой судебных приставов не производится (за исключением случаев, установленных Кодексом): обращение взыскания на эти средства осуществляется по правилам главы 24¹ БК РФ. В соответствии с нормами данной главы Кодекса исполнительный документ подлежал направлению судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем в соответствующий финансовый орган.

10 июля 2006 года с учетом судебных актов о незаконности действий пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства было отменено ранее состоявшееся постановление пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства от 6 апреля 2005 года. Никаких иных действий службой судебных приставов не осуществлялось, несмотря на то, что в силу изменения законодательства, регулирующего сферу исполнительного производства, к компетенции этой службы уже не относилось исполнение судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы РФ.

17 ноября 2010 года было удовлетворено требование Общества к Российской Федерации в лице Федеральной службы судебных приставов о взыскании за счет казны РФ 6277133 руб. 39 коп. убытков, вызванных незаконными действиями пристава-исполнителя⁵³.

В связи с тем, что решение Арбитражного суда Иркутской области от 16.03.1998 по настоящему делу так и не было исполнено, Общество обратилось в ФАС ВСО с требованием о присуждении ему 4717312 руб. 84 коп. компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок (Общество указывало, что согласно ч. 4 ст. 1 Закона о компенсации возмещение вреда в соответствии со ст. 1069 и 1070 ГК РФ и присуждение компенсации за нарушение разумного срока не являются взаимоисключающими). Размер компенсации был определен Обществом исходя из начисленных процентов за пользование чужими денежными средствами за период просрочки исполнения судебного акта с 6 мая 1998 года (дата вынесения постановления о возбуждении исполнительного производства) по

⁵² Закон утратил силу с 1 февраля 2008 года в связи с введением в действие Закона об исполнительном производстве 2007 года.

⁵³ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 17.11.2010 по делу № А33-16057/2009 было оставлено без изменения постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 31.12.2010, ФАС ВСО от 11.05.2011; определением ВАС РФ от 27.10.2011 № ВАС-10438/11 было отказано в передаче дела в Президиум ВАС РФ.

17 ноября 2010 года (дата вынесения решения о взыскании в пользу Общества убытков, вызванных незаконными действиями пристава-исполнителя) с учетом 7,75% ставки рефинансирования.

Определениями ФАС ВСО к участию в деле в качестве заинтересованных лиц были привлечены Красноярский край в лице Министерства финансов Красноярского края, Администрация, департамент финансов администрации Эвенкийского муниципального района Красноярского края, а в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, – Управление Федеральной службы судебных приставов РФ.

Решением от 22.03.2011 ФАС ВСО отказал Обществу в удовлетворении требований о взыскании компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок, указав при этом следующее⁵⁴. В соответствии с ч. 2 ст. 1 Закона о компенсации эта компенсация присуждается в случае, если такое нарушение имело место по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с заявлением о присуждении компенсации, за исключением чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств. Согласно разъяснению, содержащемуся в п. 48 постановления № 30/64, данная компенсация не присуждается, если длительность исполнения судебного акта вызвана исключительно действиями заявителя либо чрезвычайными и непредотвратимыми при данных условиях обстоятельствами. Общество, как взыскатель, своевременно не обратилось в службу судебных приставов с просьбой вернуть исполнительный лист для предъявления его в целях исполнения в соответствующий орган (по правилам главы 24¹ БК РФ именно на взыскателе лежит обязанность по предъявлению исполнительного листа к исполнению в соответствующий орган — орган, исполняющий исполнительный лист). С учетом сказанного ФАС ВСО сделал вывод о том, что взыскатель не осуществил действий по предъявлению исполнительного листа к исполнению в соответствующий финансовый орган, вследствие чего не имело место нарушение прав Общества на исполнение судебного акта в разумный срок и основания для присуждения Обществу компенсации отсутствуют.

Общество обратилось в ФАС ВСО с кассационной жалобой на данное решение, указав помимо прочего, что в соответствии с п. 4.1 Методических рекомендаций по исполнению судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, утвержденных приказом Федеральной службы судебных приставов РФ от 23.03.2006 № 33, обязанность по возврату исполнительных документов о взыскании денежных средств с муниципального образования лежала на судебном приставе-исполнителе. Кроме того, Общество ссылалось на то, что при вынесении решения арбитражным судом не была учтена практика Европейского Суда, согласно которой государство, а не взыскатель, обязано проявить инициативу для исполнения решения, вынесенного против государства.

Постановлением ФАС ВСО от 31.05.2011 решение от 22.03.2011 было оставлено без изменения, а кассационная жалоба Общества – без удовлетворения. Кассационная инстанция, по сути, повторила доводы суда первой инстанции, указав, что взыскатель не представил исполнительный лист в соответствующие финансовые органы и не дал какой-либо правовой оценки аргументам, изложенным в кассационной жалобе.

Президиум ВАС РФ, рассмотрев в порядке надзора заявление Общества, отменил постановление первой и кассационной инстанций по разбираемому делу о присуждении компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок⁵⁵. В мотивировочной части постановления Президиума ВАС РФ указывалось следующее.

⁵⁴ Решение ФАС ВСО от 22.03.2011 № А19-1175/9898.

⁵⁵ Постановление Президиума ВАС РФ от 14.02.2012 № 12826/11.

В соответствии со ст. 46 Конституции РФ и ст. 6 Конвенции каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Эта гарантия является иллюзорной до тех пор, пока судебное решение не исполнено фактически, что требует неперменного закрепления в законодательстве принципа обязательности исполнения судебных актов всеми без исключения субъектами.

Отечественное законодательство всегда содержало указание на обязательность вступивших в законную силу судебных актов (см., например, чч. 1 и 2 ст. 6 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», ст. Федерального конституционного закона от 28.04.1995 № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», ч. 1 ст. 16 АПК РФ). Принцип обязательности исполнения судебных актов предполагает безусловное их исполнение органами государственной власти⁵⁶.

Обязательность исполнения судебных решений является неотъемлемым элементом права на судебную защиту, поэтому неисполнение судебного акта или неправомерная задержка его исполнения рассматривается как нарушение права на справедливое правосудие в разумный срок и предполагает необходимость выплаты компенсации пострадавшему лицу. В соответствии с нормами международного права такая компенсация присуждается в случае, если нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок имело место по причинам, не зависящим от лица, обратившегося с заявлением о ее присуждении.

Поскольку судебный акт по рассматриваемому делу не был исполнен ввиду незаконного поведения пристава-исполнителя (что подтверждено решением Арбитражного суда Красноярского края от 29.11.2005 по делу № А33-19070/2005), то есть по причинам, не зависящим от взыскателя, взыскатель обладает правом на обращение в суд с требованием о присуждении ему соответствующей компенсации.

Президиум ВАС РФ признал, что не может являться основанием для отказа в выплате такой компенсации довод о том, что неисполнение судебного акта вызвано поведением самого взыскателя, не истребовавшего исполнительный лист у службы судебных приставов и не предъявившего его повторно в соответствующий финансовый орган, ответственный за исполнение судебного решения. Возложение на взыскателя бремени принудительного исполнения судебного акта, вынесенного против государства (государственного органа), посредством повторного предъявления исполнительных документов, их пересылки в иной компетентный орган противоречит как правовой природе права на судебную защиту, так и законодательству РФ и нормам международного права.

Кроме того, Президиум ВАС РФ исходил из того, что право на судебную защиту (а следовательно, и его конституирующий элемент – право на исполнение судебного решения) носит публично-правовой характер, поскольку может быть реализовано лишь с помощью государства, создающего для этого необходимые институциональные и процессуальные условия⁵⁷. Исполнение судебного акта является публичной обязанностью государства, которая не зависит от совершения взыскателем действий по принудительному исполнению судебного решения. Поэтому непредставление исполнительного листа к исполнению не должно рассматриваться в качестве основания освобождения государственного органа от ответственности за несвоевременное исполнение судебного акта⁵⁸.

В подтверждение высказанной позиции Президиум ВАС РФ сослался на прецедентную практику Европейского Суда по правам человека. При этом было названо дело «Метаксас против Греции»⁵⁹, где сформулирована позиция, согласно которой

⁵⁶ См., например, постановления Президиума ВАС РФ от 14.12.2010 № 8893/10, от 18.10.2011 № 5558/11.

⁵⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2008 № 734-О-П.

⁵⁸ Постановление Президиума ВАС РФ от 14.12.2010 № 8893/10.

⁵⁹ Постановление от 27 мая 2004 года по делу «Метаксас против Греции» (*Metaxas v. Greece*), жалоба № 8415/02.

лицо, в пользу которого вынесено решение суда против государства, не обязано возбуждать процедуру принудительного исполнения. Упомянулось и постановление по делу «Красев против России»⁶⁰, в котором эта позиция уточнена: если решение вынесено против государства, то именно государство, а не взыскатель, обязано проявить инициативу для исполнения этого решения. С учетом сказанного сделан следующий вывод: согласно практике Европейского Суда исполнение судебного акта – позитивная обязанность государства, возложение которой на взыскателя является чрезмерным бременем⁶¹.

Важно заметить, что в определении от 17.11.2011 № ВАС-12826/11 о передаче рассматриваемого дела в Президиум ВАС РФ изложенный вывод сформулирован проще и точнее: «... именно государство, а не взыскатель, если решение вынесено против государства, обязано проявить инициативу для исполнения судебного решения. Это его позитивная обязанность, возложение которой на других лиц недопустимо... государство обязано таким образом организовать систему исполнения судебных актов, чтобы обеспечить координацию между различными государственными органами с целью уплаты государственного долга в разумное время. На заявителя было бы возложено чрезмерное бремя, если бы он должен был направлять исполнительный лист из одного органа в другой».

С учетом изложенного и исходя из чрезвычайно длительного срока (более десяти лет) неисполнения решения Арбитражного суда Иркутской области от 16.03.1998 Президиум ВАС РФ признал требования Общества о компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок подлежащими удовлетворению. Вынесенные по делу судебные акты были отменены, было принято решение о присуждении Обществу компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок в размере 200 000 рублей.

Соглашаясь в целом с позицией, заложенной в постановлении Президиума ВАС РФ по изложенному делу, необходимо уделить дополнительное внимание одному из содержащихся в нем выводов.

В постановлении Президиума ВАС РФ по делу указывалось, что исполнение судебного акта в данном случае – позитивная обязанность государства. В связи с этим не может быть обойден вниманием вопрос о том, что следует понимать под понятием «позитивные обязательства государства».

Согласно толкованию ст. 1 Конвенции, данному Европейским Судом, норма этой статьи налагает на государства – участников Конвенции обязанность не только не совершать действия, нарушающие права и свободы, гарантированные Конвенцией и Протоколами к ней (негативные обязательства) (*negative obligation*), но в соответствующих случаях предпринимать необходимые активные действия, чтобы защитить такие права и свободы (позитивные обязательства) (*positive obligation*).

Негативные обязательства государства – участника Конвенции в соответствии с Конвенцией состоят в недопущении нарушений ее положений со стороны «правительственных организаций» (*governmental organization*): государство-участник несет ответственность за нарушения Конвенции, имевшие место вследствие действий и бездействия «правительственных организаций».

⁶⁰ Постановление от 26 июня 2008 года по делу «Красев против России» (*Krasev v. Russia*), жалоба № 731/04.

⁶¹ Президиум ВАС РФ заключил, что обозначенному подходу соответствовал п. 4.1 Методических рекомендаций по исполнению судебных актов по обращению взыскания на средства бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, утвержденных приказом ФССП России от 23.03.2006 № 33, которые были упомянуты Обществом в кассационной жалобе.

Следует признать, что термин «правительственная организация» в отечественной литературе нередко ошибочно отождествляют с термином «государственная организация». Между тем содержание этих понятий существенно различается: Европейский Суд использует термин «правительственная организация» в ином (более широком) значении, нежели термин «государственная организация» в российском праве. Применительно к России в качестве «правительственных организаций» Европейским Судом признаются федеральные органы и учреждения, а также органы и учреждения субъектов Федерации и местного самоуправления. При этом Европейский Суд исходит из того, что они действуют согласно публичному праву и осуществляют общественно значимые (публичные) функции, переданные им на основании соответствующего законодательства. Как указал Европейский Суд в деле «Аюнтамьенто де Мула против Испании»⁶² и затем повторил в своей прецедентной практике (см., например, дело «Муниципальный район Антильи против Франции»⁶³), в государствах с децентрализованной системой управления понятие «правительственная организация» распространяется на любые национальные органы власти, которые осуществляют общественно значимые (публичные) функции.

При рассмотрении в Европейском Суде жалоб против России власти государства-ответчика неоднократно ссылались на то, что в соответствии с российским законодательством (ч. 2 ст. 132 Конституции РФ и ст. 31 БК РФ) органы местного самоуправления не являются органами государственной власти, поэтому Россия не должна отвечать за деятельность муниципальных предприятий и учреждений, в частности, по их обязательствам. Однако Европейский Суд, руководствуясь своей сложившейся прецедентной практикой, каждый раз отклонял такие доводы, подчеркивая, что рассматривает муниципальные органы, учреждения и предприятия в качестве «правительственных организаций» (см., например, дело «Яворивская против России»⁶⁴). Немаловажно, что ст. 132 Конституции РФ, согласно которой органы местного самоуправления не являются органами государственной власти и не обладают государственными полномочиями, не способствует опровержению изложенной позиции Европейского Суда. Напротив, Суд ссылается на данную норму Конституции РФ в подтверждение своей точки зрения: он полагает, что в силу этой нормы на органы местного самоуправления возложена задача осуществлять общественно значимые (публичные) функции (см., например, дело «Герасимова против России»⁶⁵).

Признавая в соответствии с Конвенцией государства – участников Конвенции ответственными за поведение «правительственных организаций», Европейский Суд в некоторых случаях возлагает на государства-ответчиков ответственность и за деятельность «неправительственных организаций» (*non-governmental organisation*), являющихся антиподом «правительственных организаций», а так-

⁶² Решение о приемлемости от 1 февраля 2005 года по делу «Аюнтамьенто де Мула против Испании» (*Ayuntamiento de Mula v. Spain*), жалоба № 55346/00.

⁶³ Решение о приемлемости от 23 марта 2001 года по делу «Муниципальный район Антильи против Франции» (*The Municipal Section of Antilly v. France*), жалоба № 45129/98.

⁶⁴ Постановление от 21 июля 2005 года по делу «Яворивская против России» (*Yavorivskaya v. Russia*), жалоба № 34687/02.

⁶⁵ Постановление от 13 октября 2005 года по делу «Герасимова против России» (*Gerasimova v. Russia*), жалоба № 24669/02.

же физических лиц. Иными словами, Суд допускает возможность возникновения ситуаций, когда органы власти государства-ответчика обязаны вмешаться в ситуацию, чтобы права и свободы частного лица (физического или юридического) не были нарушены другим частным лицом.

В анализируемых ситуациях — когда органы власти не должны оставаться бездействующими, поскольку от них требуется совершение соответствующих действий, — речь идет о позитивных обязательствах государства по обеспечению гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней прав. Как установил Европейский Суд в деле «Маркс против Бельгии»⁶⁶, нарушение позитивного обязательства может представлять собой либо невыполнение необходимых позитивных действий, либо несвоевременное их выполнение.

Типичным примером бездействия со стороны органов власти государства-ответчика являются несвоевременные действия или бездействие судебного пристава-исполнителя при исполнении судебного решения, вынесенного против частного лица. Европейский Суд неоднократно высказывался в том смысле, что период времени, в течение которого имело место исполнительное производство, должен рассматриваться как «неотъемлемая часть судебного разбирательства» по смыслу п. 1 ст. 6 Конвенции, в силу чего период исполнительного производства необходимо учитывать при расчете длительности срока судебного разбирательства при рассмотрении жалоб на чрезмерную продолжительность судопроизводства (дела «Кравчук против России»⁶⁷ и «Иванова против России»⁶⁸).

Если органы власти государства-ответчика, в частности судебные приставы-исполнители, обязаны действовать в целях исполнения решения национального суда, но не делают этого, их бездействие может быть признано Европейским Судом нарушением позитивного обязательства, установленного п. 1 ст. 6 Конвенции (дело «Сколло против Италии»⁶⁹). В деле «Фуклев против Украины»⁷⁰ Суд указал, что государства-участники должны организовать свою систему исполнения судебных решений таким образом, чтобы она была эффективной согласно законодательству, и на практике и обеспечивала бы исполнение решений без ненадлежащих задержек.

Анализ практики Европейского Суда свидетельствует о том, что суть негативных обязательств состоит в том, чтобы ограничить вмешательство государства (в лице «правительственных организаций») в осуществление частными лицами их прав и свобод. Принципиально по-иному трактуются позитивные обязательства, подразумевающие обязанность государства — участника Конвенции осуществлять необходимые действия по предотвращению нарушений Конвенции со стороны как «правительственных организаций», так и частных лиц (в том числе «неправительственных организаций»).

В рассматриваемом деле судебное решение было вынесено против органа местного самоуправления, который подпадает под понятие «правительственная организация», как оно трактуется в практике Европейского Суда. Вследствие это-

⁶⁶ Постановление от 13 июня 1979 года по делу «Маркс против Бельгии» (*Marckx v. Belgium*), жалоба № 6833/74.

⁶⁷ Решение о приемлемости от 1 февраля 2005 года по делу «Кравчук против России» (*Kravchuk v. Russia*), жалоба № 72749/01.

⁶⁸ Решение о приемлемости от 1 апреля 2004 года по делу «Иванова против России» (*Ivanova v. Russia*), жалоба № 74705/02.

⁶⁹ Постановление от 28 сентября 1995 года по делу «Сколло против Италии» (*Scollo v. Italy*), жалоба № 19133/91.

⁷⁰ Постановление от 7 июня 2005 года по делу «Фуклев против Украины» (*Fuklev v. Ukraine*), жалоба № 71186/01.

го государство (в лице соответствующих государственных органов) должно воздерживаться от любых действий, препятствующих полному и своевременному исполнению этого судебного акта. В противном случае речь пойдет о нарушении негативного обязательства государством – участником Конвенции.

В то же время в рассмотренном деле от государства требуется исполнение и его позитивного обязательства, на что обращалось внимание в постановлении Президиума ВАС РФ: государственные органы («правительственные организации») должны предпринимать необходимые мероприятия, направленные на обеспечение своевременного исполнения вынесенного судебного решения.

Таким образом, рассматриваемое дело иллюстрирует ситуацию, когда негативные обязательства государства – участника Конвенции тесно переплетаются с его позитивными обязательствами.

Отменяя вынесенные по делу судебные акты и принимая новое решение о присуждении Обществу 200 000 руб. компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок решения (вместо заявленных к присуждению 4 717 312 руб. 84 коп.), Президиум ВАС РФ, к сожалению, не раскрыл, каким образом был исчислен размер компенсации. Однако это, конечно, не стало препятствием для использования сформулированных по рассмотренному делу выводов в судебных актах по схожим делам⁷¹.

6.2. Обстоятельства, учитываемые судами при определении размера компенсации

Как уже указывалось, при разрешении дела, изложенного в предыдущем разделе, высший судебный орган не раскрыл подробно обстоятельства, послужившие основанием для присуждения названной суммы компенсации. В то же время в рамках настоящего комментария рассмотрение вопроса исчисления суммы компенсации принципиально важно, вследствие чего должны быть подвергнуты разбору следующие дела.

• В ФАС Поволжского округа (далее – ФАС ПО) обратилось муниципальное унитарное предприятие «Райжилкомбытгазстрой» (далее – Предприятие) с заявлением о присуждении 17 933 руб. 16 коп. компенсации за нарушение права на исполнение в разумный срок решения Арбитражного суда Волгоградской области по делу № А12-14977/2010, вынесенного 09.09.2010. Этим решением с муниципального образования Алексеевского муниципального района Волгоградской области (далее – Муниципальное образование) за счет казны Алексеевского муниципального района Волгоградской области в пользу Предприятия было взыскано 202 253 руб. 71 коп.

Указанное решение Арбитражного суда Волгоградской области от 09.09.2010 Муниципальное образование не исполняло несколько лет. За его неисполнение на Администрацию Алексеевского муниципального района Волгоградской области (далее – Администрация) неоднократно налагались штрафы.

В связи с тем, что решение Арбитражного суда Волгоградской области от 09.09.2010 по настоящему делу так и не было исполнено, что влекло для Предприятия невозможность прекращения дела о его банкротстве, Предприятие обратилось

⁷¹ См., например, постановление Президиума ВАС РФ от 11.12.2012 № 10237/04.

в ФАС ПО с требованием о присуждении ему 17 933 руб. 16 коп. компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок. Расчет суммы компенсации был произведен Предприятием за период с 4 февраля 2011 года по 13 марта 2012 года исходя из ставки рефинансирования (учетной ставки) в размере 8%, установленной Банком России. В обоснование размера своего требования Предприятие ссылалось на позицию Европейского Суда, изложенную в п. 36 постановления по делу «ООО ПКГ «Сиб-ЮКАСС» против России»⁷², согласно которому процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс 3%.

ФАС ПО признал факт нарушения права Предприятия на исполнение судебного акта в разумный срок и обоснованность заявленных требований, однако не согласился с размером истребуемой компенсации. Обосновывая свою позицию, ФАС ПО указал, что в соответствии с ч. 2 ст. 2 Закона о компенсации размер компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок определяется судом, арбитражным судом исходя из требований заявителя, обстоятельств дела, по которому было допущено нарушение, продолжительности нарушения и значимости его последствий для заявителя, а также с учетом принципов разумности, справедливости и практики Европейского Суда.

При этом ФАС ПО сослался на п. 49 постановления № 30/64, где разъяснено, что суду надлежит в каждом конкретном случае обеспечивать индивидуальный подход к определению размера компенсации, вследствие чего ее размер должен определяться судом с учетом требований лица, обратившегося в суд с заявлением, обстоятельств дела или производства по исполнению судебного акта, по которым допущено нарушение, продолжительности нарушения, наступивших вследствие этого нарушения последствий, их значимости для лица, обратившегося в суд с заявлением о присуждении компенсации. В итоге ФАС ПО сделал вывод о том, что сумма компенсации должна составить 10 000 руб., не указав, на основании какой конкретно практики Европейского Суда было произведено снижение суммы присуждаемой компенсации по сравнению с истребуемой.

С учетом изложенного ФАС ПО было вынесено решение от 18.05.2012 об удовлетворении требования частично: в пользу Предприятия с муниципального образования в лице Администрации за счет его казны взыскано 10 000 руб. компенсации и 4 000 руб. государственной пошлины; в удовлетворении остальной части требования отказано.

Указывая, что размер присужденной компенсации не является достаточным, Предприятие обратилось с надзорной жалобой в ВАС РФ.

Президиум ВАС РФ отменил вынесенное ФАС ПО решение от 18.05.2012, обосновав это следующими доводами (постановление Президиума ВАС РФ от 12.03.2013 № 8711/12). Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 09.09.2010, вступившее в законную силу, Муниципальное образование не исполняло в течение нескольких лет, несмотря на неоднократное наложение судебных штрафов, нарушив тем самым право Предприятия на получение денежных средств, которые оно разумно рассчитывало получить. Эти обстоятельства повлекли за собой невозможность прекращения дела о банкротстве Предприятия, в котором только конкурсное производство длится семь лет (с 2005 года).

В связи с этим Президиум ВАС РФ подчеркнул важность при определении размера компенсации учитывать длительность задержки исполнения судебного акта. В результате, сославшись на необходимость принимать во внимание практику Европейского Суда (в частности, п. 36 упомянутого постановления по делу «ООО ПКГ «Сиб-ЮКАСС» против России»), распространенный механизм взыскания штра-

⁷² Постановление от 8 ноября 2007 года по делу «ООО ПКГ «Сиб-ЮКАСС» против России» (ООО ПКГ «Сиб-ЮКАСС» v. Russia), жалоба № 34283/05.

фа за неисполнение судебного решения в пользу потерпевшей стороны, а также необходимость обеспечения эффективного исполнения судебных актов в Российской Федерации, высшая судебная инстанция сделала следующее заключение: с Муниципального образования в пользу Предприятия помимо суммы компенсации подлежат взысканию проценты годовых от указанной суммы компенсации по учетной ставке (ставке рефинансирования) Банка России 8,25% годовых), увеличенной на 3% (то есть 11,25% годовых), с момента принятия настоящего постановления и до полной уплаты суммы компенсации.

- Другое дело было рассмотрено Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ⁷³.

К. обратился в областной суд с заявлением к Минфину России о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок при рассмотрении дела по иску о восстановлении пропущенного срока принятия наследства. Исходя из того, что общая продолжительность судопроизводства составила семь лет (с сентября 1996 по сентябрь 2003 года), заявление К. было удовлетворено решением областного суда: в пользу заявителя с Российской Федерации в лице Минфина России за счет федерального бюджета взыскана компенсация в размере 50 000 руб.

Областной суд отметил, что действия истца и его представителей, выразившиеся в уточнении исковых требований, заявлении ходатайств об истребовании дополнительных доказательств, в том числе о назначении судебной почерковедческой экспертизы и предоставлении заявителю возможности сформулировать вопросы, адресованные экспертам, что повлекло неоднократное приостановление производства по делу и отложение судебных разбирательств, признаны реализацией процессуальных прав, принадлежащих лицам, участвующим в деле, которые не являются обстоятельствами, повлиявшими на длительность рассмотрения дела. Кроме указанного областной суд отметил, что разрешение спора имело для заявителя приоритетное значение, поскольку касалось разрешения вопроса о праве собственности на квартиру.

Согласившись с позицией областного суда и поддержав сделанные им выводы, Судебная коллегия Верховного Суда РФ, учитывая чрезмерную длительность рассмотрения дела, а также практику Европейского Суда, признала необходимость увеличить размер присужденной компенсации. С учетом этого вынесенное решение было изменено и в пользу К. взыскана компенсация в размере 120 000 руб.

Поддерживая итоговые выводы, содержащиеся в изложенных судебных актах высших судебных инстанций, целесообразно осветить сложившуюся практику Европейского Суда по вопросу взыскания компенсации за чрезмерную длительность судопроизводства.

Во-первых, необходимо напомнить обозначенный в начале настоящей работы подход Европейского Суда, согласно которому заявитель, который считает нарушенным свое право на судопроизводство в разумный срок или исполнение судебного акта в разумный срок, обязан обратиться в соответствующий российский суд с требованием о присуждении ему компенсации по правилам Закона о компенсации (то есть использовать предоставляемое этим Законом средство правовой защиты). Если размер выплаченной компенсации в значительной мере меньше, чем это предусмотрено в обычной практике Европейского Суда (либо российские суды уклоняются от рассмотрения по существу требования о присуждении такой компенсации), заявитель правомочен обращаться в Европейский Суд с соответствующей жалобой.

⁷³ См. определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 01.02.2011 № 41-Г10-68.

Вследствие сказанного размер присуждаемой российскими судами компенсации имеет принципиально важное значение: он должен быть соизмерим с суммой компенсации, выплачиваемой Европейским Судом. Отметим, что согласно позиции Совета Европы, изложенной, в частности, в комментарии Секретариата Совета Европы от 11 сентября 2009 года применительно к разрабатывавшимся в тот период Закону о компенсации и Закону о внесении изменений в законодательные акты в связи с введением в действие данного Закона, «компенсация, присуждаемая согласно новым законам, является компенсацией неимущественного ущерба (морального вреда)».

Иными словами, компенсация за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок не должна пониматься как компенсация имущественного ущерба, причиненного такими нарушениями: материальный (имущественный) ущерб взыскивается по соответствующим правилам ГК РФ, – а представляет собой дополнительную компенсацию понесенного ущерба, которая может быть взыскана в пользу не только физического, но и юридического лица.

Во-вторых, основным прецедентом в отношении возмещения юридическим лицам неимущественного ущерба, причиненного вследствие чрезмерности срока судопроизводства, является вынесенное в 2000 году постановление Большой палаты Европейского Суда по делу «АО «Комингерсол» против Португалии»⁷⁴. В этом деле компания-заявитель жаловалась на нарушение разумного срока судопроизводства, подчеркивая, что право на судопроизводство в разумный срок является по своей природе универсальным и поэтому нет никаких оснований делать различия в компенсации нематериального ущерба физическим и юридическим лицам. Компания настаивала на том, что право на судопроизводство в разумный срок для юридических лиц должно защищаться в равной степени с таким правом для физических лиц.

Власти государства-ответчика утверждали, что сама возможность присуждения коммерческой компании компенсации за нематериальный ущерб должна исключаться, поскольку юридическому лицу не присущи беспокойство, стресс и чувство неопределенности, свойственные лишь физическим лицам.

Европейский Суд указал, что нельзя исключать возможность того, что не только материальный вред коммерческой компании, но и нематериальный вред может быть компенсирован путем выплаты денежной компенсации; должна ли эта компенсация выплачиваться компании, зависит от обстоятельств конкретного дела. Европейский Суд отметил, что судебная практика государств-участников допускает компенсацию юридическим лицам нематериального ущерба. Более того, его собственная прецедентная практика допускает присуждение юридическим лицам компенсации нематериального ущерба. Конвенция, подчеркнул Суд, должна толковаться и применяться таким образом, чтобы гарантировать юридическим лицам реальные и действительные права. Поскольку основной формой компенсации ущерба, которую Европейский Суд может присудить, является денежная компенсация, эта компенсация

⁷⁴ Постановление Большой палаты Европейского Суда от 6 апреля 2000 года по делу «АО «Комингерсол» против Португалии» (*Comingersoll S.A. v. Portugal*), жалоба № 35382/97.

должна выплачиваться и коммерческим компаниям за причиненный им нематериальный ущерб.

При рассмотрении вопроса о размере компенсации нематериального ущерба юридическому лицу Европейский Суд решил учитывать вызванные установленным нарушением беспокойство и неудобство, испытанные членами руководства компании, а также иные аспекты — ущерб репутации компании, неопределенность в планировании и принятии решений, нарушения в управлении компанией (последствия которых не поддаются точному подсчету). В итоге Европейский Суд счел, что вследствие нарушения разумного срока судопроизводства в национальных судах у членов руководства компании и акционеров возникли значительные неудобства и длительная неопределенность при ведении текущей деятельности компании. На основании этого Суд, сделав вывод о том, что компания оказалась в состоянии неопределенности, оценил материальный и нематериальный ущерб, причиненный названным нарушением, в сумме 1,5 млн. португальских эскудо (около 10 000 долл. США).

Данная позиция была вскоре подтверждена в деле «АО «Фертиладор» против Португалии»⁷⁵. В этом деле компании были присуждены 1,5 млн. португальских эскудо в качестве компенсации нематериального ущерба, поскольку у членов ее руководства и акционеров возникли значительные неудобства и длительная неопределенность при ведении текущих дел компании.

Сходным образом Европейский Суд присудил денежную компенсацию нематериального ущерба при рассмотрении дел «АО «Ф» против Италии»⁷⁶ и «АО «Тор Ди Вале Коструциони» против Италии»⁷⁷, где решил, что в результате нарушения разумного срока судопроизводства у компаний возникли существенные трудности при ведении текущих дел и они оказались в состоянии длительной неопределенности.

Суммы денежной компенсации нематериального ущерба, причиненного юридическому лицу в результате нарушения его права на судопроизводство в разумный срок, в Европейском Суде обычно составляют от 1000 до 10 000 евро в зависимости от длительности судопроизводства, а также иных негативных имущественных и неимущественных последствий для компании.

Например, по делу «Компания «Иза Лтд» и Макрахидзе против Грузии»⁷⁸ Суд учел, что неисполнение в течение четырех лет судебного решения в пользу компании-заявителя вызвало у нее проблемы с налоговыми органами и ее экономическая деятельность была существенным образом нарушена. Европейский Суд признал, что эти негативные финансовые последствия являются основанием для выплаты компании компенсации нематериального ущерба в размере 1000 евро.

В деле «ООО «Русатоммет» против России»⁷⁹ Европейский Суд решил, что лишь признания факта нарушения государством-ответчиком прав компании

⁷⁵ Постановление от 18 мая 2000 года по делу «АО «Фертиладор» против Португалии» (*Fertiladour S.A. v. Portugal*), жалоба № 36668/97.

⁷⁶ Постановление от 9 ноября 2000 года по делу «АО «Ф» против Италии» (*F. S.p.a. v. Italie*), жалоба № 39164/98.

⁷⁷ Постановление от 9 ноября 2000 года по делу «АО «Тор Ди Вале Коструциони» против Италии» (*Tor Di Valle Costruzioni S.p.A. v. Italy*), жалоба № 45862/99.

⁷⁸ Постановление от 27 сентября 2005 года по делу «Компания «Иза Лтд» и Макрахидзе против Грузии» (*Iza Ltd and Makrakhidze v. Georgia*), жалоба № 28537/02.

⁷⁹ Постановление от 14 июня 2005 года по делу «ООО «Русатоммет» против России» (*Rusatomet v. Russia*), жалоба № 61651/00.

недостаточно для компенсации возникшего у нее нематериального ущерба. Европейский Суд присудил компании 2000 евро в качестве компенсации нематериального ущерба, возникшего в результате неисполнения вынесенного в пользу компании судебного решения в течение года и трех месяцев со дня постановления арбитражного суда апелляционной инстанции.

В деле «МП «Кинескоп» против России»⁸⁰ заявитель потребовал 2000 евро в качестве компенсации нематериального ущерба, возникшего в связи с чрезмерной длительностью судебного разбирательства в национальных судах. Европейский Суд присудил компании требуемую сумму в полном объеме.

Вместе с тем бывают случаи, когда Европейский Суд присуждает и более крупные суммы компенсации. Так, в деле «Куфай Ко. ш.п.к.» против Албании»⁸¹ была присуждена компенсация в размере 75000 евро (правда, в возмещение одновременно материального и нематериального ущерба). Европейский Суд счел, что компания испытывала существенные проблемы в связи с тем, что более семи лет не исполнялось вынесенное в ее пользу судебное решение против бюджетного учреждения.

С другой стороны, Европейский Суд может счесть достаточной компенсацией нематериального ущерба, вызванного длительным неисполнением судебного решения, само признание нарушения, если сочтет, что компания приняла на себя риски, связанные с неисполнением решения. Например, в деле «Компания «Регент» против Украины»⁸² компания обратилась в Суд в связи с длительным неисполнением решения третейского суда (МКАС при ТПП Украины). Компания-заявитель не была стороной третейского разбирательства, но приобрела права по нему на основании договора уступки после того, как возникли проблемы с исполнением данного решения в связи с банкротством должника.

По делам, в которых заявителями выступают граждане, практику Европейского Суда в отношении размера взыскиваемой компенсации также нельзя назвать единообразной — все зависит от обстоятельств конкретных дел. В целях настоящей работы особый интерес представляют судебные акты по делам против Российской Федерации.

Например, по делу «Саликова против России»⁸³ Европейский Суд сделал вывод о том, что дело о возмещении ущерба, причиненного муниципальными властями, являлось сложным: требовалось проведение экспертизы, к тому же к участию в деле было привлечено несколько ответчиков. При этом заявитель трижды изменял и дополнял свои исковые требования, что еще больше усложняло процедуру разбирательства дела (общий период задержки, обусловленной поведением заявителя, составил 11 месяцев). Вместе с тем Суд учел, что дело пять раз пересматривалось судами первой и кассационной инстанций, в течение 18 месяцев не мог быть определен суд, который обладал компетенцией по рассмотрению заявления истца, три года потребовалось для завершения экспертных исследований — в результате общий срок рассмотрения дела составил 8 лет

⁸⁰ Постановление от 22 декабря 2009 года по делу «МП «Кинескоп» против России» (*MP Kineskop v. Russia*), жалоба № 16141/05.

⁸¹ Постановление от 18 ноября 2004 года по делу «Куфай Ко. ш.п.к.» против Албании» (*Qufaj Co. Sh.p.k. v. Albania*), жалоба № 54268/00.

⁸² Постановление от 3 апреля 2008 года по делу «Компания «Регент» против Украины» (*Regent Company v. Ukraine*), жалоба № 773/03.

⁸³ Постановление от 15 июля 2010 года по делу «Саликова против России» (*Salikova v. Russia*), жалоба № 25270/06.

и 6 месяцев. С учетом того, что заявитель был престарелым, а дом, которому причинен ущерб, был мало пригоден для проживания, данное дело, по мнению Европейского Суда, нуждалось в гораздо более оперативном рассмотрении. В итоге сумма компенсации составила 5000 евро.

В деле «Баранцева против России»⁸⁴ речь шла о длительности судебного разбирательства по делу о взыскании со строительной компании материального ущерба, причиненного неисполнением обязательства, а также компенсации морального вреда. Общий срок рассмотрения дела составил 7 лет и 2 месяца, при том что дело не представляло особой сложности, несмотря на участие нескольких истцов (их требования были идентичны). Суд обратил внимание на то, что заявительница не всегда посещала судебные заседания, изменяла свои требования, заявляла отвод судье и не оспаривала отложение разбирательства, однако возникшая по вине заявителя задержка сроком 1 месяц и 10 дней является незначительной на фоне общей длительности разбирательства. С учетом всех обстоятельств дела сумма присужденной компенсации по делу составила 3600 евро.

В деле «Зименко против России»⁸⁵ заявитель обратился в суд общей юрисдикции, обжалуя свое увольнение и требуя выплаты заработной платы за период вынужденного прогула и компенсации ущерба. Европейский Суд признал, что период времени рассмотрения этого несложного дела составил более шести лет, причем общая продолжительность задержек, образовавшихся по причине болезни судьи или его участия в других судебных разбирательствах, включая задержку, вызванную несвоевременным предоставлением заявителю решения суда первой инстанции, составляет более двух лет. Причем дело так и не было рассмотрено по существу (не вынесено окончательное решение по существу требований истца о выплате ему заработной платы), а прекращено по причине ликвидации компании-ответчика. Суд, подчеркнув, что вопросы трудоустройства требуют особого внимания со стороны национальных судов, счел, что в данном случае дело заявителя не было рассмотрено в разумный срок и имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции. С учетом этого заявителю была присуждена компенсация в размере 3000 евро.

Аналогичное, по сути, дело «Кормачева против России»⁸⁶. Предметом разбирательства стала чрезмерная длительность рассмотрения требования заявительницы о выплате ей задолженности по отпускным, выходному пособию, заработной плате и о надлежащем оформлении ее увольнения. По результатам разбирательства Суд сделал вывод о том, что это значимое для заявителя дело (хотя оно не было сложным) длилось в целом 6 лет 6 месяцев и 15 дней, из которых просрочка составила 5 лет и 10 дней. Исходя из того, что нарушение разумных сроков при разрешении данного трудового спора создало для заявительницы серьезные трудности при поиске новой работы, а сама заявительница пострадала от горя и разочарований, Европейский Суд присудил ей 3000 евро (плюс 200 евро в качестве компенсации судебных расходов и издержек).

⁸⁴ Постановление от 4 марта 2010 года по делу «Баранцева против России» (*Barantseva v. Russia*), жалоба № 22721/04.

⁸⁵ Постановление от 23 июня 2005 года по делу «Зименко против России» (*Zimenko v. Russia*), жалоба № 70190/01.

⁸⁶ Постановление от 29 января 2004 года по делу «Кормачева против России» (*Kormacheva v. Russia*), жалоба № 53084/99.

В деле «Грибаненков против России»⁸⁷ общий срок судебного разбирательства не был слишком долгим – дело рассматривалось на протяжении 4 лет и 7 месяцев. Однако Европейский Суд обратил внимание на то, что было заявлено требование о взыскании с государства социальных выплат, при том что эти выплаты служили единственным источником дохода заявителя, что обуславливало значимость дела для заявителя. Суд указал, что заявитель не совершал действий, приводящих к увеличению сроков, тогда как продолжительные периоды бездействия судов не имели под собой никаких оснований. С учетом этого Европейский Суд присудил заявителю сумму в размере 3100 евро.

Противоположную ситуацию наблюдаем в деле «Кузин против России»⁸⁸, в рамках которого заявителем обжаловалась чрезмерная продолжительность рассмотрения в национальных судах его требований к издательству о признании авторских прав и выплате компенсации. Европейский Суд, признав, что дело не являлось особенно сложным, в то время как общий период времени его рассмотрения одним судом составил более пяти с половиной лет, подчеркнул следующее. Судебное разбирательство по данному делу не касалось жизненно важных для заявителя вопросов (как, например, в деле «Кормачева против России»), однако ему были причинены душевные страдания, у него возникло беспокойство, чувство разочарования ввиду необоснованной длительности судебного разбирательства. Заявителю было присуждено 3000 евро компенсации.

В деле «Племянова против России»⁸⁹ Европейский Суд обратил внимание на ряд обстоятельств, создавших условия для чрезмерно длительного разбирательства несложного дела о защите права собственности на земельный участок (общий срок судебного разбирательства составил 10 лет и 1 месяц). В частности, Суд указал на то, что заявитель ответствен за просрочку в три месяца, тогда как суд не провел ни одного заседания по делу в период с 2003 года по начало 2007 года, причем не было представлено объяснений по поводу замены судей в ходе разбирательства, необходимости настаивать на присутствии соистца в судебных разбирательствах (хотя он ходатайствовал о рассмотрении дела в его отсутствие) и проч. В итоге Европейский Суд присудил заявителю компенсацию в размере 3000 евро.

Бесспорно, анализ практики Европейского Суда демонстрирует и другие примеры взыскиваемой в пользу заявителя компенсации (в том числе с менее существенной суммой). Однако в рамках настоящей работы представлялось важным изложить именно эти дела, подтверждающие, что нарушение разумности сроков судебного разбирательства и исполнения судебных решений рассматривается Европейским Судом как серьезное нарушение. Именно поэтому суммы компенсации за такие нарушения, допускаемые государственными органами стран – участниц Конвенции, исчисляются не несколькими евро, а несколькими тысячами евро.

⁸⁷ Постановление от 18 февраля 2010 года по делу «Грибаненков против России» (*Gribanenkova v. Russia*), жалоба № 16583/04.

⁸⁸ Постановление от 9 июня 2005 года по делу «Кузин против России» (*Kuzin v. Russia*), жалоба № 22118/02.

⁸⁹ Постановление от 15 октября 2009 года по делу «Племянова против России» (*Plemyanova v. Russia*), жалоба № 27865/06.

В завершение обратим внимание на то, что по жалобам на длительное неисполнение вынесенного в пользу заявителя судебного решения Европейский Суд обычно взыскивает в пользу заявителя проценты за весь срок неисполнения судебного решения.

Так, в деле «Тытарь против России»⁹⁰ Европейский Суд удовлетворил требование заявителя о возмещении ему материального ущерба в виде процентов, начисленных по ставке рефинансирования Банка России за период неисполнения судебного решения (см. также дела «Макарова и другие против России»⁹¹, «Познахирина против России»⁹²).

М. РОЖКОВА,

*профессор кафедры интеллектуальных прав
Московского государственного юридического
университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА),*

*главный научный сотрудник Института законодательства
сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
доктор юридических наук*

Д. АФАНАСЬЕВ,

*начальник отдела анализа и обобщения
судебной практики, законодательства и статистики
Суда по интеллектуальным правам*

⁹⁰ Постановление от 2 ноября 2006 года по делу «Тытарь против России» (*Tytar v. Russia*), жалоба № 21779/04.

⁹¹ Постановление от 24 февраля 2005 года по делу «Макарова и другие против России» (*Makarova and others v. Russia*), жалоба № 7023/03.

⁹² Постановление Большой палаты Европейского Суда от 24 февраля 2005 года по делу «Познахирина против России» (*Poznakhirina v. Russia*), жалоба № 25964/02.